

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Н.С. Лесков

ХРИСТИАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Николай Семенович Лесков

Гора

Действие повести разворачивается в языческом Египте, краю таком же святом, как и Сирия, и так же сокрывшим свои православные тайны в слабом мерцании полумесяца.

Сюжет, начинающийся с любовных интриг знатной особы языческого Египта, некой Нефоры, или Нефорис, решивший женить на себе талантливого золотушника Зенона, развивается до жестокой интриги египетского фарисея, который заставляет египетского властителя заставить христиан буквально выполнить то место Писания, где если "такой человек если скажет горе "сдвинься", то будто гора сдвинется с места и бросится в воду". Зенон, избегая соблазна, выкалывает себе соблазняющий глаз. Он же спасает всех христиан Египта, в то время, как их епископ спасается бегством. Он же, в момент наибольшего драматического напряжения, просвещает Нефору, открывает ей глаза на христианское видение союза мужчины и женщины и та, впоследствии, становится настоящей христианкой, праведницей и супругой Зенона.

Однако, помимо напряженного и драматической сюжета, глубокомысленного подтекста "Гору" выгодно отличает невероятная изобразительность. С ее стра-

ниц словно исходит живое дыхание Востока, и оно чувствуется во всем.

Эта повесть напитана ароматом Востока, как никакая другая у Лескова и, несмотря на то, что в описываемые времена Египет не только не был завоеван арабами, но и само учение Пророка не было создано, словно волшебный дух сказаний "Тысячи и одной ночи" переселился в это произведение, сверкающее не только драгоценным золотом шатров, но и белой накидкой странника, и изможденным телом нищего и даже лоснящимся крокодилом.

Содержание

Глава первая	0007
Глава вторая	0011
Глава третья	0014
Глава четвёртая	0019
Глава пятая	0026
Глава шестая	0033
Глава седьмая	0039
Глава восьмая	0046
Глава девятая	0052
Глава десятая	0062
Глава одиннадцатая	0067
Глава двенадцатая	0071
Глава тринадцатая	0074
Глава четырнадцатая	0082
Глава пятнадцатая	0087
Глава шестнадцатая	0095
Глава семнадцатая	0101
Глава восемнадцатая	0106
Глава девятнадцатая	0116
Глава двадцатая	0121
Глава двадцать первая	0126
Глава двадцать вторая	0131
Глава двадцать третья	0135
Глава двадцать четвёртая	0143
Глава двадцать пятая	0149

Глава двадцать шестая0153
Глава двадцать седьмая0161
Глава двадцать восьмая0167
Глава двадцать девятая0174
Глава тридцатая0184
Глава тридцать первая0186
Глава тридцать вторая0190
Глава тридцать третья0193

Н. С. Лесков.
Гора
Египетская повесть
(По древним преданиям)

Этот анекдот совершенно древний. Такой случай нынче несбыточен, как сооружение пирамид, как римские зрелища — игры гладиаторов и зверей.
Египетские ночи[1]

Глава первая

Очень давно в Александрии египетской, при римском господстве[2], жил знаменитый и славный художник, по имени Зенон. Он с необыкновенным, тонким искусством делал из серебра и золота роскошную утварь и художественные вещи для женских уборов. По роду своих занятий он назывался «златокузнец». Происходило это в то время, когда в Александрии, в тесном друг с другом соседстве и в близком общении по делам, жило много людей разных вер, и всякий почитал свою веру за самую правильную и за самую лучшую, а чужую веру не уважал и порицал. Были также и такие, которые, чтобы жить в мире и тишине, не оказывали свою веру, а держали её в себе тайно и ни в какие споры не вступали.

Зенон златокузнец был потаённый христианин, но община александрийских христиан его своим не считала, и сам он держался от неё в отдалении. Ему было удобнее не сообщаться, потому что, наученный христианству каким-то сирийским зашельцем в Египет, Зе-

нон не о всём мыслил совершенно так, как принято было без рассуждения другими христианами в Александрии. Поэтому и те немногие из открытых христиан, которые знали Зенона, почитали его стоящим на ложном пути; он к ним насильно не шёл, но никогда с ними и не спорил, а жил сам по себе в отдалении, в тихом, прохладном загородном урочище за палестрою[3], на дынных огородах.

По художеству, которое тогда называлось «златокузнею», Зенону не было равного — не только в Александрии и в Фивах, но и в целом Египте. Браслеты, стяжки и головные уборы работы Зенона славны были даже в Антиохии. Все именитые женщины обоих этих роскошных городов наперебой непременно хотели иметь украшения, сделанные этим искусным мастером. Евреи из Антиохии делали ему большие заказы и, забирая себе его «златокузню», увозили его художественные произведения в свой город и там продавали по чрезвычайно высокой цене и наживали большие выгоды. Зенон был очень досуж и трудолюбив, но при всём том он не успевал испол-

нять всех делаемых ему заказов, и недосуг его простирался до того, что он не имел даже времени ни для каких удовольствий, и часто ему некогда было даже о себе подумать. Ему шёл уже тридцать первый год, и он имел хороший достаток для того, чтобы жить безнуждно с семьею, а он всё ещё ходил холостой, был совершенно одинок и жил в своём уединённом, но хорошо устроенном доме за дынными огородами. В прислуге у него для помощи был один непомерной силы персианин, который был ему беззаветно преданным и верным слугою, хотя сам этот человек был язычник и ходил совершать таинства Митры[4].

Зенон был домосед и на свободе любил читать и размышлять о высоких вопросах. Проработав целый день, он только вечерами выходил за порог своей мастерской, садился на каменную скамейку под широколистным платановым деревом и отсюда любовался вечерним закатом красного солнца за купы деревьев, читал сочинения о высоких предметах или катался по Нилу, сам управляя своею баркой под клетчатым шёлковым парусом. По всем домашним делам Зенона в город хо-

дил и справлял их персианин, однако в Александрии все знали Зенона, не исключая лиц именитых, и многие почитали за честь быть с ним в знакомстве, так как он в своём роде тоже был знаменит, — но Зенон был скромен и от почёта всегда удалялся. Богатые щеголихи Александрии шли наперебой одна перед другою, чтобы иметь Зенона себе для услуг, и платили очень дорого, лишь бы только перещеголять друг друга, но их было много, а Зенон один, и потому это не помогало. Всем Зенон не мог услужить.

Тогда одна знатная дама вздумала присвоить себе искусство художника иначе.

Глава вторая

В Александрию приехала из Антиохии одна молодая и чрезвычайно красивая вдова, по имени Нефорис, или Нефора. Она была очень богата и до того избалована, что не знала меры своим прихотям и не переносила никакого возражения и отказа. Воздерживаться и останавливаться в осуществлении каких бы то ни было желаний было для неё так несносно, что она об этом не хотела и думать, а цель её, по приезде в Александрию, прежде всего заключалась в том, чтобы превзойти своею пышностью всех самых роскошных александрийских красавиц. Отказаться от этого суетного желания Нефора не согласилась бы ни за что на свете, так как вся Антиохия знала её за самую изящную красавицу, которая своею роскошью и увлекательностью затмевала собою всех иных прекрасных женщин, блиставших красой и нарядами на празднествах в роще Дафны[5]. Наряды Нефоры были прелестны, но чтобы сделать их ещё более замечательными, она захотела иметь самый лучший, выкованный из золота убор, какой но-

сили щеголихи в Александрии, но только непременно, чтобы он был лучше, чем все подобные уборы, какие до сих пор были сделаны. Она послала за Зеноном, но Зенон отказался прийти, сказав, что ему недосужно. Нефора послала за ним второго посла и велела ему обещать Зенону такую плату, какую сам он захочет, но Зенон ответил послу: «Скажи твоей госпоже, что я работаю, сколько могу, и сверх силы моей не принимаю заказов. Всем угодить я не успею, а наблюдаю очередь, и никакая богачка не может предложить мне ничего такого, что заставило бы меня отступить от справедливого порядка».

Когда посланные к Зенону во второй раз возвратились без успеха и передали ответ художника Нефоре, то эта избалованная и непривычная ни к каким возражениям модница впала в ужасную гневность и дошла до такого безумия, что велела подвергнуть безжалостному наказанию рабов, которых послала к Зенону, а для себя приказала сейчас же оседлать белого мула и приготовить ей длинное и густое покрывало, в которое могла быть завёрнута вся её фигура с головою.

Нефорис решила сама отправиться к Зенону и во что бы то ни стало принудить художника сделать для неё самую красивую золотую диадему с самыми тонкими и изящными цепочками, скованными легко и усаженными перлами одной величины и одного цвета.

Оба приказания Нефоры были исполнены в точности: рабы её, ходившие без успеха к Зенону, были наказаны ударами воловьей жилы, а ей был подан белый мул, покрытый роскошным ковром, с уздою из переплетенной широкой зеленой и жёлтой тесьмы, с золотистой сеткой на чёлке и с длинными кистями вместо вторых поводьев. У этих поводьев стоял немой сириец из Тира, в ярко-красной, до пят его достигающей, длинной одежде.

Нефора села на своего мула, и красный сириец повёл красивое животное за поводья, не зная, куда его госпожа отправляется. Он только оглядывался на свою госпожу при поворотах и распутьях и следовал мановению её опахала.

Глава третья

Как сказано выше, Зенон, удаляясь от шума, жил за городом в уединённой красивой местности, до которой было весьма далеко от жилища Нефоры. Дорога сюда шла сначала городом, потом тенистою аллеей, по которой не затихало очень сильное движение. Нефоре встречались рабы, несшие в паланкинах женщин, её с грохотом обгоняли парные колесницы на мулах и на рослых конях с подстриженными гривами, а потом путь становился безлюдней и тише. Тут Нефора почувствовала свою неосторожность: она не знала дальше дороги к жилищу Зенона.

От аллеи начинались мелкие свёртки по тропинкам в удожья[6], утонувшие в платановых рощах. У одного из этих свёртков под ветвистым деревом сидел старый амаликитянин и ел дыню; возле него жевал свою жвачку таковой же старый верблюд. Нефора спросила у амаликитянина, не знает ли он, где живёт Зенон златокузнец.

— Я не здешний, — отвечал амаликитянин, — но поезжай далее, и ты увидишь под

деревом девочку, которая пасет коз, — та здесь живёт и всех знает — она тебе может сказать о том, кто тебе нужен.

Нефора дала знак сирийцу, и тот повёл её мула дальше.

Вскоре они увидели широколиственное дерево, под которым паслись четыре жёлтые козы, и посреди их сидела на траве простоволосая босая девочка в грубой рубашке из холста коричневого цвета.

Нефора спросила её о Зеноне.

Босоногая девочка тряхнула своими синими кудрями и отвечала:

— Конечно, я знаю, где живёт красивый и добрый Зенон. Я ношу ему молоко от наших коз, и он часто дарит мне дыни и виноград из своего сада. Ни добрей, ни красивей Зенона нет человека на свете. Поверни вправо по третьей тропинке, и ты увидишь поляну, с которой вдали заблестят воды Нила, а перед тобой прямо будет сад, в том саду белый дом с пёстрою крышей и большой медный аист над входом, — это и есть жилище Зенона.

Нефора взяла указанное ей направление, но опять скоро смешалась в извилах тропин

и могла заблудиться. По счастью, ей встретился человек мрачного вида, с треугольным шрамом на лбу и с большою корзиной, в которой видны были плоды, фляга с питьём и большая красная рыба. Нефора спросила его о Зеноне, а человек ей отвечал:

— Я слугитель Зенона, но я не могу возвратиться, чтобы проводить тебя к нему, потому что я спешаю соединиться с своими единоверцами — мы идём справлять таинство Митры. Господин мой меня отпустил послужить моей вере и остался теперь один в своём доме. Обогни тот большой куст роз, и ты увидишь дорожку, которая прямо приведёт тебя к его дому. Зенон теперь один, он занят работой, но дверь в его мастерскую открыта.

Сказав это, перс показал ей, как надо проехать через поляну, где зрели ароматные дыни, и Нефора, проехав меж сирени, жасминов и роз, увидала вдали, как катил воды Нил, а вблизи, в чаще кустов, стоял белый домик, и на нём, как живой, медный аист на белом фронтоне. Вокруг было всё тихо; синее небо расстилалось как ровно покрытый шатёр;

солнце горело, в воздухе стоял зной; на белом карнизе рядком сидели и пели чёрные дрозды. Вокруг дома было множество лилий и роз, а у самых стен и у белого мраморного порога лежали целые пласты зелёного диарита[7]. Здесь было свежо, тихо и целомудренно: здесь жил художник.

Усталая от далёкого переезда и от жара, Нефора сошла с седла и отослала мула и провожатого вдаль под дерево, а сама осталась перед открытою дверью Зенона. Теперь она, не переступая порога, могла видеть всю его мастерскую. Это была очень большая и высокая квадратная комната без окон; мягкий свет проникал в неё через потолок, сквозь фиолетовую слюду, отчего все вещи казались обвитыми как будто эфирною дымкой. Посередине комнаты на полированном красном порфире красовался бронзовый ибис, и из его клюва струилась свежая вода; стены окружены были колоннами и ровно окрашены красновато-коричневою краской, на которой резко выделялись белые мраморные и лепные фигуры, изображавшие людей и животных. Здесь были и лёгкие маски женщин, и тяжё-

лые головы фараонов, и задумчивые морды верблюдов, и хищные пасти крокодилов. Зенон, как большинство художников того давнего времени, знал не одну златокузню. Подобно известному со времен Амазиса[8] художнику Феодору[9], Зенон был и архитектор, и плавильщик, и лепщик, и ваятель, и во всём он был мастер, и знаток, и любитель всякого изящества, о чем и не мудрено было заключить по его жилищу, перед которым теперь стояла Нефора, вдыхая оттуда прохладную свежесть и аромат, разливавшийся из красивых, яркою поливой покрытых тазов, в которых рос золотистый мускус и напоял всю атмосферу своим запахом. Посреди всех художественных произведений искусства, наполнявших покой, стоял сам художник.

Глава четвёртая

Напомним, что Зенону шёл тридцать первый год. Он родился в Милете от красивой гречанки и галла. Природа дала ему стройный стан, сильные руки, огромную массу белокурых волос и огненные чёрные глаза, в которых светилась самая пленительная доброта и благородная твёрдость. Он был в длинном хитоне из мягкой шёлковой материи серого цвета, с бледно-розовыми кружками по краю, ноги его были обуты в лёгкие жёлтые сандалии, а буйные русые волосы схвачены тонким золотым обручиком с бирюзой на лбу.

Он стоял спиной к двери, облокотясь на подставку, на которой лежала глыба глины для лепки, и рассматривал с сосредоточенностью деталь своей модели.

— Зенон! — позвала его Нефора.

Он вздрогнул и оборотился. Нефора нашла, что лицо его прекрасно, и переступила к нему за порог в его мастерскую.

— Ты не должен сердиться, что я прихожу к тебе, художник. Меня привлекла к тебе твоя слава. Женщин влечёт к себе слава, а ты слав-

ный художник. Я не здесь рождена и никогда тебя не видала, но слава твоя мне известна. У меня есть тоже слава моя, которая не стоит твоей: в Антиохии меня называли «звездой между красавиц», но я прихожу к тебе за советом: помоги мне, художник!

— В чем нужна тебе моя помощь?

— Прежде всего позволь мне быть твоею гостьей и дай отдохнуть мне у тебя от несносного зноя.

— Входи и будь моею гостьей.

Нефора вошла, сняла покрывало и села в широкое кресло, покрытое кожей пантеры.

Застигнутый так внезапно врасплох, «зла-токузнец» сразу ощутил себя как бы во власти посетившей его бойкой и настойчивой гостью. Он подал воды ей и положил к её ногам мягкую подушку, а сам стал перед нею и смотрел на неё, сложив свои руки на груди среди мягких складок хитона. Его поразила замечательная красота Нефорис, которая, спустив покрывало, явилась одетой так изящно к лицу, что природная прелесть её лица блистала ещё ярче. Небольшая на круглой шее головка Нефоры была покрыта широким и тонким ке-

фье[10] в голубых и белых полосах: мягкие складки этой искусно положенной, изящной повязки облевали, как воздух, её лицо и чёрно-синие кудри. Кефье было перевязано жёлтым шнуром. Уши, руки и пальцы Нефоры были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на стройной шее лежало золотое ожерелье из множества мелких цепочек, и на конце каждой из них дрожали жемчужные перлы. Ресницы Нефоры были подведены по египетской моде, концы пальцев слегка подрумянены, а тонкие ногти напудрены розовым перламутром. Гибкий стан Нефоры охватывала лёгкая туника полосатой материи — розовой с белым, а вместо пояса ей служил золотистый шёлковый шнур, у одной из кистей которого висело маленькое зеркальце и такой же маленький сверленный из самоцветного камня флакон с пахучею индийской эссенцией. Но всего больше поражало необыкновенно живое и изменчивое выражение её нежного и страстного лица, линии которого так часто менялись, что, казалось, их совсем уловить невозможно.

Усевшись небрежно в кресло, Нефора, не

ожидая расспросов хозяина, сама рассказала ему, в чем её надобность. Она сказала, что желает во что бы то ни стало иметь к предстоящей палестре самую изящную диадему работы Зенона, а он ей отвечал, что это невозможно, ибо всё время его до предстоящей палестры уже распределено им для исполнения других, ранее полученных заказов.

— А правду ли ты это говоришь? Можешь ли ты мне сказать: для кого именно ты теперь взялся работать?

— Я думаю, что это я вправе сказать, — отвечал неосторожно художник и назвал Родопис и Сефору, тех самых, которых всех сильнее Нефора желала превзойти своею красотой, появившись в первый раз на александрийской палестре.

— Родопис и Сефора! — воскликнула Нефора. — Неужто же я меньше их стою в очах человека, который способен ценить изящное в мире?

— Человек прежде всего должен исполнять то, что составляет его долг.

— Долг художника служить красоте, и я тебе даю к тому наилучшее средство. Зачем ты

будешь напрасно тратить талант свой для плосколобой Родопис и скуластой Сефоры? Им всё равно искусство твоё не поможет, и они в диадемах твоих не станут изящней; но укрась ты Нефору, приложи красоту убора к её красоте — палестра забудет ристанье, а заплещет моей красоте и твоему искусству, художник.

И когда Нефора увидала, что художник ей внимает, то она, чтобы не дать ему опомниться и ещё сильнее преклонить его на свою сторону, решила не выйти от него без того, чтобы не принудить Зенона изменить данному слову и тем более восторжествовать над Родопис и Сефорой. Нефора решила не только умолять Зенона и льстить ему вниманием и лаской, но даже прямо прельщать его своею красотой, с тем чтобы довести его до страстного увлечения и купить у него предпочтении себе хотя бы даже ценою своей чести.

«Тогда, — думала она, — он перестанет отказываться, и чего не хочет сделать мне за большие деньги, то сделает без всякой денежной платы, как для своей любовницы. Я этого желаю... У меня будет убор всех изящнее, а

вреда чести моей от этого никакого не будет, потому что, наверное, никому даже и на мысль не придёт, чтобы я, самая первая красавица, молодая и богатая вдова Нефорис, брака с которой искало и ищет столько знаменитых людей, отдалась из-за выгод уроженцу Милета... Никто не поверит, что я отдала себя златокузнецу за то, чтобы иметь его златокузню... чтоб унижить ею соперниц... Да, этому никто не поверит, и я тем смелее на это решаюсь».

К тому же... Зенон был красив и...

Нефора вдруг ощутила над собой его обаяние.

Все до сих пор искали внимания её, — и вот человек, кого она ищет... Она предлагает себя... Она себя продает...

Это ей ново, и дико, и страстно желанно.

Нефора не размышляла, или её рассудок был слишком сговорчив и вел её к достижению того, чего ей желалось.

«Всё равно я должна буду выйти замуж за какого-нибудь вельможу, которого я не буду любить, а пока я свободна, не вольна ли я сама располагать собой как хочу? Я хочу, я могу,

я желаю здесь, в этой тиши, внезапно купить себе ценою своей красоты услуги красавца Зенона. Так, мой художник! тебя ничто не спасёт от соблазна моей красоты, и торжество моё над тобой неизбежно».

И Нефора, нимало не медля, начала стремиться к тому, чтобы осуществить своё намерение.

Глава пятая

Она сказала Зенону:

— Хорошо, я не хочу настаивать, чтобы ты портил твой честный обычай, но ты можешь помочь мне, оставаясь господином своих обещаний, которые дал Родопис и Сефоре.

— Я не вижу, как я могу это сделать.

— Я тебя научу, если только ты хочешь у меня научиться, — сказала с улыбкой Нефора.

— Учи, я охотно готов тебя слушать, — отвечал, также слегка улыбаясь, Зенон золоткузнец.

— Сядь со мною рядом и слушай.

Зенон сел в стоявшее рядом другое кресло, а она взяла его за руку и сказала:

— Ты ведь дал слово не делать лишь новых уборов и не имеешь досуга на это. Я и просить тебя больше об этом не стану; но что ты скажешь на то, если можешь мне сделать удовольствие, не нарушая своего слова?

— Тогда я сделаю все, чтобы не огорчить тебя понапрасну.

— Я не хочу ничего больше: здесь со мной мой пёстрый персидский ларец, в котором ле-

жат все мои драгоценности. Там много есть разных прекрасных вещей, которых здесь, в Александрии, на мне не видали. Я привезла их для того, чтобы ты их рассмотрел и обдумал: не возможно ли их смешать и привести их в такое соединение, чтобы из них, по изящному вкусу Зенона, вышел не худший убор для Нефоры?

— Ты это очень хорошо придумала! — воскликнул Зенон златокузнец.

— Я очень рада, что ты меня одобряешь, и с своей стороны награжу тебя всем, чего только захочешь.

Зенон понял смысл этих слов о награде и, встав с места, сказал:

— За простой совет и за лёгкую помощь по силам моим никакой мне награды не нужно.

— Отчего же?.. Проси!.. Или... если ты горд, то доверь мне самой оценить, чем с тобой расплачусь.

— Нет, оставь это!.. Мне довольно будет того, что я могу доставить тебе радость...

— Хорошо, пусть будет по-твоему! Выйди же теперь к моему рабу, возьми у него мой ларец и принеси его сюда.

Зенон вышел, а Нефора погляделась в своё ручное зеркальце, которое было у кистей её пояса, и улыбнулась довольною улыбкой.

Зенон возвратился с ларцем, который был не велик, но изящен и довольно тяжёл.

— Благодарю, — сказала Нефора. — Теперь дай мне сюда на колени подушку и станем на ней раскладывать вещи.

Зенон исполнил и это, и когда золотые уборы и самоцветные камни в оправках были вынуты маленькою рукой Нефоры из её узорного ларца и разложены ею по тёмной ковровой подушке, Зенон наклонился лицом к коленям гостыи и стал серьёзно рассматривать амулеты, шпильки, браслеты и цепи, а Нефора между тем рассматривала самого Зенона и любовалась грациозностью его движений и нежною прелестью его светло-русых кудрей, подстриженных и завитых на лбу по греческой моде.

Долго Зенон не мог ничего выбрать, но, наконец, взяв в руки один золотой амулет, изображающий солнечный диск с прямыми лучами, он задумался и потом соединил это с другим, меньшим диском, на котором было изображение сладострастной богини Ма[11], с её

закрытыми глазами. Зенон весело взглянул на Нефору и сказал ей:

— Ты совершенно права: из этих вещей можно составить такой прекрасный убор, который способен будет затмить все другие уборы. Ты надень эти браслеты змеями на голые руки. Твои руки прекрасны.

— Ты находишь, что они хороши?

— О да, твои руки прекрасны, и я бы охотно слепил их из воска.

— Что же, слепи. Я рада, что моё тело вдохновляет Зенона.

— Положи диадему с маленьким диском и богиню Ма на лоб, а большой диск укрепи на груди, чтобы лучи его утопали и местами бы вырывались из-под складок туники. Надень светло-зелёного цвета тунику или цвета зреющей вишни на солнце... Вишнёвый цвет тебе, кажется, больше будет идти в этом уборе... Жрец Ма всегда имеет посох из вишни...

— Как ты хорошо это знаешь. Ма тебя за это должна наградить, как богиня.

— Сейчас мы всё кончим: я тебе всё рассказал, что надо сделать. Ты понимаешь: надо тончайшие рясны[12] цепочек спустить с диа-

демы к лучам большого диска на груди, и ими тебя, как богиню, бронёй опоясать... И ты будешь сама, как Ма богиня, прекрасна.

— И ты мне всё это сделаешь, Зенон?

— Нет, и тебе это не нужно. То, что нужно тебе, всякий другой сделает так же, как я, но я более не господин моего времени — я дал слово не брать никакой другой работы, и мне жаль, что я должен тебя огорчить.

— Ты не хочешь, так прощай же, Зенон.

С этим Нефора так быстро встала, что подушка соскользнула с её колен и все драгоценности её упали на ковёр и рассыпались к её ногам.

— Как ты неосторожна, — сказал Зенон и нагнулся к полу, чтобы подобрать рассыпанные вещи; но едва он начал распутывать из покрывала маленькую стройную ножку Нефоры, обутую в тёмную кожаную сандалию с золотым тиснением по краю подошвы, как нога эта скользнула и судорожно вытянулась.

Зенон склонился и, к удивлению своему, увидал, что всё лицо Нефоры быстро покрывалось страшною бледностью, а прекрасные глаза её меркли.

— Что с тобою? — вскричал он.

— Я не знаю, — тихо и медленно отвечала ему ослабевшим голосом Нефора. — Я ехала слишком долго в седле... я слишком устала... меня чересчур долго жгло палящее солнце, а здесь прохладно, я теперь вдруг себя чувствую дурно... Помоги мне, Зенон! Я задыхаюсь...

Она сделала движение, чтобы подняться, и заговорила ещё скорее и тревожнее:

— Уведи меня! Здесь мускус... розы... жасмин... Все деревья здесь так сильно пахнут... Этот свет сквозь лиловую слюду раздражает меня... я его не сношу... я не привыкла к Египту... Света мне!.. воздуха!.. чистого воздуха дай мне скорее!

Вскрикнув это, она поднялась, взмахнула, как будто впотьмах чего-то искала, руками и с меркнувшим взором тотчас же упала на руки Зенона.

Зенон подхватил её, как дитя, на одну руку, а другою рукой дёрнул за шёлковый шнур, и от движения этого шнура одна панель в красной стене его мастерской сейчас же раздвинулась. За нею открылся вход в высокую,

очень просторную комнату, куда встревоженный Зенон и пошёл, держа на своих руках со-млевшую Нефору. Глаза её были теперь совершенно закрыты, голова опустилась, и всё тело ослабло.

Глава шестая

Комната, в которую Зенон внес Нефору, была совсем не похожа на ту, из которой он её вынес. Это была большая, высокая столовая, стены которой были гладко отделаны кедром, издававшим самый тонкий и едва заметный здоровый, смолистый запах; в ней были четыре большие окна, из которых открывался широкий вид на меланхолический Нил, а по ту сторону вод в отдалении темнели спаржевые поля.

Через открытые сверху донизу окна и отпертую дверь на террасу сюда обильно тек чистый воздух, не насыщенный ничем раздражающим и наркотизирующим. Солнце не сверкало в глаза, и только синее небо да синие воды тихо отражали на всём свой ровный и спокойный оттенок.

Убранство покоя состояло из нескольких низких и широких диванов, покрытых мягкими стёгаными матрацами из нежной овечьей шерсти, накинутыми сверху ещё более нежными двусторонними египетскими коврами. Перед каждым диваном были поставлены ма-

ленькие столики и табуреты, а посередине комнаты помещался большой стол на львиных лапах, и на этом столе стоял завтрак, который приготовил Зенону ушедший праздновать таинства Митры слугитель.

Зенон бережно опустил Нефору на один из диванов, до которого свободнее доходила струя воздуха, подложил ей под голову и под плечи подушки, расстегнул тунику на её груди и выбежал в смежную комнату, где была его спальня. Отсюда он принес флакон с индийскою эссенцией и, капнув одну каплю этой эссенции на предсердие Нефоры, провёл тихо рукою и подул, чтоб эфирная жидкость быстрее испарялась. Потом он облегчил голову гостьи и ослабил цветные ремни у её сандалий.

Попечения его были успешны: едва он облегчил стяжки, стеснявшие тело Нефоры, и стал повевать на неё её же большим опахалом, к ней начали возвращаться её чувства и сознание — вскоре длинные ресницы её стали шевелиться, а тонкие ноздри вздыматься дыханием, и, наконец, оба её изменчивые глаза неуловимого цвета открылись. Она об-

вела в недоумении незнакомый покой и спросила:

— Где я? — и, получив от Зенона ответ о том, где она и каким случаем попала в эту комнату, Нефора начала сожалеть, что наделала Зенону столько хлопот. Она укоряла себя, зачем пустилась в непривычный ей путь на муле, а не в носилках, и, протянув руку художнику, заключила:

— Прости мне то беспокойство, которое я тебе сделала.

Он просил её, чтоб она об этом не думала, а она отвечала:

— Я не могу об этом не думать, потому что в этот несносный жар, мне кажется, я буду не в силах сделать обратно далёкий путь на седле.

— И это тоже пусть тебя не беспокоит, — отвечал ей Зенон. — Тебе нет нужды терзать себя в такой жар на седле. Отдохни здесь у меня в прохладе, сколько тебе угодно, а когда тени на земле станут длиннее, я сам отвезу тебя спокойно до твоего дома на моей нильской барке, которая стоит здесь же у берега под моим садом.

Нефора благодарила его и осталась.

— Хотя мне это и совестно, — сказала она, — но ты сам видишь, как я ослабела. Я не могу ехать на своём муле и не должна посылать за носилками, чтобы не возбудить этим многих напрасных толков.

— Я всё это понимаю, — отвечал Зенон, — и ты не беспокойся, ты не будешь предметом никаких толков. Моя пёстрая барка со всех сторон окрыта густыми занавесами, и тебя никто не увидит, а я сам буду ею управлять.

— Это прекрасно, — отвечала Нефора, — но в таком случае пожалей и моего бедного мула и невольника, которые будут напрасно ждать меня на жаре у твоего дома.

— Это правда, — отвечал Зенон, — и если ты позволишь, я сейчас же отпущу домой и человека и бедное животное.

— Не откажи мне в этом, я прошу тебя.

— Охотно, — отвечал Зенон и сейчас же вышел, а Нефора приподнялась с дивана и подошла к одному из открытых окон. Перед нею открылся на пологом скате к реке прекрасно содержанный сад, разбитый по-египетски радиусами от центра, который обозначался фон-

таном у небольшого обелиска из красного гранита, а в конце одной из дорожек была такая же гранитная лестница. К одному из столбов этой лестницы была прикована бронзовою цепью роскошная, очень пёстро, по-египетски раскрашенная нильская барка. На носу её красовался огненно-красный крылатый грифон, а на корме завязанный в узел хвост какого-то морского чудовища. Посредине барки был паланкин, где на бронзовых прутьях висели в густых складках полы мягкой полосатой материи — синей с белым.

Нетрудно было понять, что это и есть нильская барка Зенона, на которой он любил вечерами кататься под клетчатými шёлковыми парусами по Нилу.

Она отличалась от всех других барок, стоявших у берега, не только по богатству, но и по изяществу отделки, в котором, как во всём окружающем Зенона, выражался его художественный вкус.

Он сам и всё, что при нём есть, — всё это было прекрасно и всё пленяло Нефору, и она всё более и более волновалась от прилива страстных ощущений.

Придя просто с тем, чтобы заставить художника сделать себе убор и в нём превзойти на палестре[13] каких-то соперниц, Нефора сама для себя неприметно увлеклась вспыхнувшим чувством любви к красавцу Зенону и, никого до сих пор не любя, вся предалась необузданной страсти.

— Пусть, — говорила она, глядя на Нил, но Нила не видя, — пусть совершится судьба... Пусть, пусть это будет... Я собой не владею и владеть не желаю... Все, кто искал улыбки Нефоры, — судьба за вас всех нынче мне отмстила: я уязвлена страстью, я сегодня впервые люблю. Другой такой случай может не быть: я остаюсь здесь одна с ним, и хочу здесь сгореть, и сгорю в объятиях Зенона.

Глава седьмая

В то время, когда Нефора рассуждала таким образом, глядя в открытое окно на картину, которая застигалась от неё её влюбленную мечтой, возвратился Зенон; он сказал ей, что мул и немой проводник им уже отправлены домой, а самой Нефоре Зенон предложил сесть за стол и подкрепить себя пищей и прохладным напитком из воды и вина.

— Затем, — сказал он, — ты отдыхай здесь в покое, пока схлынет жар, а я буду работать.

Нефора на всё согласилась, и когда они сели с Зеноном к столу и он просил её испробовать мясо, фрукты и прохладное смешение из антильского вина с водой и ягодным соком, Нефора, по элинскому обычаю, предложила выслушать от неё, кто она и откуда и зачем появилась в Египте.

Зенон от этого не смел отказаться, и, чтобы не показать себя невежливым перед гостьей, отвечал ей:

— Повесть твоя усладит слух мой: говори, а я принесу воск и буду лепить из него то, что мне нужно, — и он принёс воск и начал его

мять на дощечке, а Нефора близко села с ним рядом и начала говорить о себе.

Она упомянула Зенону сначала о своей родине в далёкой Фракии, откуда она была увезена в детстве в Антиохию и выросла там при беспрестанных тревогах по поводу быстрых и частых перемен в положении её родителей, а потом она рассказала, как была отдана замуж за старого и очень безнравственного византийского вельможу, который понуждал её к постыдным для женщины поступкам в угоду высшего вельможи, от которого зависело его служебное повышение, и как она воспротивилась этому и много за то претерпела, а потом, когда муж её умер, оставив ей большое богатство, она, по любви к независимости и свободе, не захотела вернуться в свою эллинскую семью, ибо ей противна подчиненность безгласных в семье эллинских женщин, а переселилась из Антиохии в Египет, где женщины не находятся в таком порабощении, как у эллинов. Здесь она хочет быть госпожою своих поступков и сама надеется выбрать себе достойного мужа.

— Ты хорошо сделала, что соблюла свою

непорочность, — отвечал ей уклончиво Зенон.

Она промолчала.

Зенон взглянул на неё и удивился, как изменчивый цвет её глаз то разгорался, то гас, обозначая быстроту душевных движений.

Она ещё колебалась, но страсть одолела и стыд и рассудок.

— Да, — сказала она, — но этих похвал я вперёд не желаю, я молода и не хочу быть «богиней», как ты меня назвал: теперь я хочу быть любима так просто, как смертную женщину может любить простой, смертный мужчина. Да, я полюблю в тот же миг, как только увижу того, который может быть мил мне.

— Что же, ты, верно, его и найдешь.

Нефора опять замолчала; ноздри её изящно выгнутого носа быстро двигались, а уста открывали белые зубы, но, наконец, она не выдержала и сказала:

— Я уже нашла его, Зенон.

— Вот и прекрасно: если он любит тебя, ты вступишь в супружество, и я желаю тебе быть счастливой.

— Благодарю за желание, — живо сказала

Нефора, — но я слишком много страдала и слишком долго ждала этого, чтобы теперь ожидать ещё дольше. Я томлюсь желанием скорее, в мгновенье, забыть моё горе в объятиях того, чьих лобзаний уста мои жаждут.

Она встала и с детскою, избалованною улыбкой бросилась к Зенону и закричала:

— К тебе, Зенон, к тебе, мой художник, влечёт меня сердце и страшная сила рокочущей крови... Для чего ты встаёшь? Куда ты отходишь? Дай мне любви, дай мне лобзаний, забвенья и счастья, или я потеряю рассудок.

Но Зенон её не слушал; он отступил от неё и даже самый звук её слов удалял от своего слуха, устраняя рукой и повторяя:

— Ты не знаешь, что ты говоришь. Опомнись! опомнись!..

— Я и знать не хочу ничего, кроме того, что я тебя полюбила!

Зенон вздвинул плечами и, сжав на груди свои руки, сказал:

— Несчастливая женщина! ты в себе разум и стыд женский затмила!

— Возврати же скорее мне мой разум! — прошептала Нефора и, положив на плечи ему

свои обнаженные руки, судорожно вздрогнула и замерла в поцелуе.

Зенон хотел её отстранить, но в очах его помутилось, сердце упало, и он едва простонал:

— Нефора! Нефора!

А она меж поцелуев ему отвечала:

— Я не богиня, Зенон... Я страстная смертная женщина, Зенон... Лобзай же меня и дай мне скорей миг блаженства!

— Миг! — воскликнул Зенон. — Миг вместо союза на целую жизнь — это нечестное дело, Нефора... Отбрось этот миг и не дай мне несчастья унижить себя и тебя с собою вместе!

Нефора взглянула на него с гневом и сказала:

— Что это! ты оскорбляешь меня!

— Нет, я тебя возвышаю. Я чту в тебе женщину больше, чем элин и сын Мицраима[14]

— Я не хочу слушать ничьих рассуждений, когда мне их не надо!

— Нельзя жить без рассуждения.

— Отчего?

— Ты не поймешь.

— Нет, я уже все поняла... Ты любишь дружину.

— Ты ошибаешься: я не люблю никого так, как ты хочешь.

— Так ты, значит, глупец!

— Нет, я — христианин.

— Христианин!.. Ах, ты христианин! Так вот что!.. Христиане — это те, которых все презирают и гонят!.. Это те, которых учитель хотел, чтобы люди отрекались от счастья любить; но ведь это, Зенон, безрассудно — бороться с природой. Её одолеть невозможно, да и зачем это нужно?.. Ты мой, Зенон, да? Ты пылаешь любовью ко мне, ты не в силах противиться мне, я люблю тебя, Зенон, я тебя призываю! — и с этим она рванулась к нему, и уста её соединились с его устами.

Зенон почувствовал, словно море зашумело в его ушах и будто пламя блеснуло у него перед глазами: его клонило в её объятиях, как клонит трость под дыханием бури, но вдруг на корме пробудился повелевающий волнам и буре. Зенон увидал его, отстранил от себя страстные руки Нефоры, рванулся к столу, и теперь Нефоре как будто блеснуло между нею

и Зеноном... что-то как нож и кровавое пламя, а Зенон уже стоял и шатался, держась сзади руками за стол. По лицу его струилась кровь, а в глазу его стремилась рукоятка ножа. Лезвие было в глазу, а другой глаз глядел на Нефору с тихим укором, а уста, бледнея, шептали кому-то, но только не ей:

— Благодарю тебя, что ты не погнушался мной и явил свою власть над моей страстной природой. Мой глаз едва не соблазнил меня, но я сделал то, что ты повелел, и... теперь нет этого глаза.

Проговорив это, Зенон зашатался и упал, и нож вывалился из его раны, а кровь орошала его лицо и струилась на пол.

Нефора не издала ни одного звука: глаза её, устремленные на Зенона, остолбенели в безмолвном ужасе, и она выбежала отсюда, оставив здесь и своё покрывало и все свои драгоценности.

Глава восьмая

Вышеописанное происшествие было делом самого короткого времени и случилось так неожиданно и было столь противоположно настроению Нефоры, что она совершенно растерялась и обезумела. Когда она опомнилась на воздухе, то увидела, что теперешнее собственное её положение было очень затруднительно. О своих драгоценностях Нефора не вспомнила, но к ужасу, который охватил её при виде того, что с ужасною твёрдостью сделал над собой Зенон, сейчас же присоединилась забота: как бы ей скрыться отсюда и возвратиться домой незамеченною? Она была далеко от своего дома, а проводник и мул были отпущены; слуги Зенона не было дома; пешком к себе Нефора не могла возвращаться потому, что ноги её дрожали и подкашивались; кроме того, она стыдилась идти по улицам без покрывала в своём слишком красивом уборе.

Безотчётно, или, может быть, только с одним желанием избежать встреч на улицах, она бросилась через сад к берегу Нила, где

стояла у пристани барка Зенона.

Здесь была полная тишина и безлюдье, но, окинувши глазом берег, Нефора заметила невдалеке низкую хижину, сбитую из топтанного тростника, смешанного с нильскою глиной. Она направилась к этому убогому жилищу и постучала рукой в окно. Оттуда выглянул человек, весь измаранный в угольной пыли. Он был египтянин.

Нефора дала ему золотой браслет с своей руки и сказала, чтоб он нашёл какое-нибудь средство отвезти её незаметно в город.

— Пожалуй, я могу это сделать, — отвечал египтянин, принимая её дар, — если только ты согласишься плыть со мною в моей угольной барке.

— Хорошо, если нет другого способа, я согласна плыть в угольной барке, но я не хочу, чтобы меня в ней видели, а я потеряла мое покрывало.

— Там есть угольный мешок: я тебя прикрою.

— Но это ужасно.

— Да, он грязненок, и если ты его боишься, я положу на дно барки пустую кадку, и ты мо-

жешь согнуться и скрыть под нею свою голову.

Нефора на это согласилась.

Угольщик исполнил всё, за что взялся, и Нефора совершила продолжительное и неудобное передвижение по Нилу в тяжёлой и грязной угольной толстодонной барке, лежа под угольной кадкой. Едва лишь к вечеру достигла она своего жилища, куда вошла, дождавшись темноты, вся перемазанная грязью и угольной пылью. Нефора, разумеется, удивила всех рабов и рабынь своим возвращением в таком плачевно-бедственном виде и была в ужасном расстройстве; она сейчас же вымылась и слегла в постель, а ночью у неё началась горячка: она срывалась с кровати и начинала неистово бегать и плакать, рвала на себе свои прекрасные чёрные кудри, царапала щёки и, забыв осторожность, кричала:

— Мщенье Зенону! мщенье всем христианам!

Испуганные рабыни сочли её за одержимую злым духом и призвали к ней знатную египетскую вспомогательную бабу Бубасту, которая долго смотрела в лицо ей и слушала

её безумные крики, а потом сказала Нефоре:

— Я вижу, какой-то змей уязвил твое сердце... Скажи мне, кто смел пренебречь твоею красотой!

— О да, я пренебрежена, — отвечала Нефора, — и я должна раздавить этого змея.

— Так и будет. Царь Амазис мудро изрёк, что яд обиженной женщины острее змеиного яда. Кому хочешь мстить?

— Христианскому богу и всем христианам в Египте.

— Хорошо. Я сама горю мщением ко всем пришельцам в Египте. Мое имя — баба Бубаста, я нынче старуха, лекарка; но я была молода и любила; мой муж томится давно в каменоломнях Пилака, и сердце моё каждый день слышит, как он двигает гранитные глыбы, в цепях, которые наложил на него жестокий правитель... О, я ненавижу пришельцев и новую веру, я рада им мстить: я пойду искать яд и приду к тебе, госпожа, когда яд мой успеет.

Происшествие с Зеноном имело последствием то, что ни одна из женщин, для кото-

рых он спешил окончить заказы, не получили ожидаемых уборов к палестре. Это была первая неисправность с его стороны, и служитель Зенона, перс, отнес щеголихам их камни и золото, объявив, что его господин, славный художник Зенон, имел большое несчастье потерять глаз и теперь долго не надеется вернуть себе способность к работе. Потом перс явился также к Нефоре и доставил ей её покрывало и ларец с её драгоценностями.

Нефора была не рада возвращению своих вещей, потому что это заставляло её опасаться: не откроется ли её участие в ослеплении глаза Зенона, но перс не сказал ей ни слова, и она больше ниоткуда не слыхала ничего о Зеноне.

И художник и слуга его хранили о всём происшедшем молчание. Слуга, по всей вероятности, и вовсе не знал, как это несчастье случилось с Зеноном. Нефора никуда не выходила из своего дома, но в душе её по-прежнему горели в тёмном смешении обида отвергнутой страсти и жажда отомстить за себя Зенону. Она не знала только, какое бы измыслить ему самое жестокое мщение. Она не раз

вспоминала о той египетской знахарке, бабе Бубасте, которая обещала ей дать страшное средство отомстить ненавистным для них христианам, но думала, что Бубаста сказала это слово ей просто в утеху и потом позабыла о своём обещании. Но это было не так: старая египтянка ждала только времени и не упустила случая воспользоваться им, как только к тому представилась возможность.

Глава девятая

Прошёл год. В это время много людей родилось и много умерло; одни дела людские вновь замышлялись, другие были окончены и позабыты. Было забыто и то, как к прошлым палестрам некстати и неизвестно от какого несчастья окривел всем в Александрии известный красавец художник Зенон златокузнец. Он долго болел, но потом поправился и теперь носил через голову на одном глазе голубую повязку, которая не только не безобразила его лица, но, казалось, придавала ему ещё новую привлекательность. Зенон и при одном глазе работал так же изящно, как прежде, и опять всё с тою же неизменною добросовестностью, которою дорожил ранее. Теперь он бы мог успеть сделать желанный убор для Нефоры, но антиохийка, разумеется, не обращалась ни с каким заказом к Зенону.

С нею с тех пор тоже кое-что случилось. Красота и богатство Нефоры не оставляли её в затмении, и старый правитель Александрии, человек жадный и исполненный многих низких страстей, пожелал соединить Нефору бра-

ком с своим старшим сыном, который имел столь малый ум, что, побывав во многих отдалённых странах и истратив на это путешествие большое богатство, по возвращении своём не умел рассказать ни о чём им виденном, кроме как о величине яйца птицы строфоамила[15]. Отец, не желая второй раз награждать глупого сына, искал обеспечить его огромным богатством Нефоры посредством брака с нею, и Нефора, к совершенному удивлению многих, отвечала согласием на это искательство; но вскоре за тем, когда дала уже слово, она начала откладывать свадьбу день за день и не только сказывалась нездоровою, но и в самом деле сильно разнемоглась, и ни один из лекарей, которых присылал к ней правитель, не мог узнать, что у неё за болезнь и какими лекарствами можно помочь ей. Она ни на что особенно в своём здоровье не жаловалась, но вся изнемогала, лицо её худело, глаза блекли, — она не занималась ни нарядами, ни плетением волос, не надевала драгоценностей и не посещала знакомых и даже мало была в своих комнатах. Ей было несносно под крышей, и она искала уединения в са-

ду, где всё под стать её расположению было грустно и как бы дремало: фонтан бил лениво, пёстрые бабочки перелетали с одного цветка на другой тоже лениво; но скоро и это начало беспокоить Нефору. Но вот настала ещё иная пора. Садовые акантусы и жёлтые мимозы, живые ограды из разноцветной сирени, жасмина и роз, высокие пальмы, акации и бальзамовые деревья — всё цвело, благоухало и жужжало, наполненное кипучею жизнью насекомых. Этот прилив жизни стал иначе смущать и тревожить Нефору; ей казалось даже, что золотые рыбки в каменном бассейне фонтана слишком живо и громко плескались. Нефора удалялась к обширному огороду и там, часто останавливаясь над грядами махрового мака, срывала с него пышные цветы и, обрывая лепестки их, клала их на ладонь, дула на них и ударяла другою ладонью, шепча тихо устами: «полюбит» или «нет»? И если маковый лепесток разрывался с треском, она улыбалась и расцветала душою, была весела, ела, спала и дарила наряды служанкам, но жениха своего к себе не впускала; если же лепесток вяло сжимался у ней между

ладоней, она его сбрасывала с рук и тут же сама садилась на землю и долго и горько плакала навзрыд, как ребёнок. Служанки не раз находили Нефору лежащую на чёрной земле между больших янтарных шаров, какими казались созревшие ароматные дыни, и отсюда служанки приносили свою госпожу домой в бесчувственном состоянии. Сначала они давали знать о тяжких припадках Нефору правителю, и тот тотчас же присылал врачей и своего сына, но как искусство врачей оказывалось бессильным, а сына правителя Нефору совсем не желала видеть и даже тяготилась его приближением к ней издалека, то женщины, по суеверию своему, при новом жестоком припадке Нефору опять призвали к ней бородатую бабу Бубасту с плоским лбом и большими ушами.

Баба омыла лицо ей нильскою водой и сказала.

— Яд, который змей излил в твоё сердце, жесток, но ты должна быть сильна, чтоб отомстить и ему и всем христианам. Приближается время отмщения: старые боги Египта приходят нам на помощь, чтобы сгубить

ненавистную новую веру. Мщение пришельцам пришло, близок конец для всех христиан в Александрии,

— Всех? — задумчиво переспросила Нефора.

— О да, всех или как можно больше, в том числе ведь будет раздавлен и змей, который отравил твою жизнь.

Нефора посмотрела на плоский лоб и на уши бабы Бубасты, и вспомнила другие лица старых египтян, ненавидевших христианскую веру, и, содрогнувшись, сказала:

— Я желаю отомстить за себя; но когда ты говоришь со мной об отмщении, мне страшно слушать. Ты стара — за что тебе их так ненавидеть?

— Ого!.. Я стара!.. Это правда, — отвечала, покачав головой, Бубаста, причём длинные и широкие серьги в её ушах запрыгали. — Я стара, но я сказала тебе, мой старый муж томится в каменоломнях, я ем хлеб, который зарабатываю себе моими руками, и мои сыновья и сыновья моих дочерей тоже трудятся — из них есть ткачи и канатчики, и кожевенники, и все они едва питались своими трудами,

а христиане теперь завели у себя мастерские в особых ограждённых местах, где они молятся, а другие их за это кормят, и они на даровом хлебе берут работу дешевле нашего... Наши руки не могут более доставать работою столько, сколько нужно на пропитание... Проклятие им, пора с ними расчесться... Старый Пеох видел, как черный ибис плясал на берегу, глядясь в воду. Запляшут они — скоро запляшут! Время отмщения близко. Цари Египта проснутся и встанут в своих пирамидах, скреплённых кровавым потом своих прежних рабов... Замечай... скоро уж водная ночь, а наш Нил не хочет поднять своих вод, чтобы оросить в этот год нивы Египта.[*] Глаза всех людей напрасно следят на раскалённом небе за полётом голубя с радостною вестью с верховьев, что вода начинает подниматься в Мемфисе...

— Да, — продолжала Бубаста, схватывая нежную руку Нефорис своей сильною и грубою рукой, — да, вода не поднимается. Цари Египта, которые спят в пирамидах Гизеха[16], не пускают к нам Нил за то, что мы дали волю жить у нас пришельцам, людям разных

вер и особенно христианам, у которых ленивые люди находят себе пропитание в их общинах... Им хорошо, и они мешают нам делать работу за настоящую цену. Смерть им — смерть без пощады всем им, спускающим цену! Они слишком усилились, они завели здесь старейшин, — называют одного патриархом, другого епископом, — вера их входит в моду, и скоро, быть может, все знатные люди станут держаться их веры... но ты меня вовсе не слушаешь — тебе всё равно, какие боги управляют Египтом, но народу нужно, чтобы с ним в добром согласии жил старый Нил. Когда Нил разольётся и оросит нивы Египта, тогда исчезнет унылость народа: тогда все пристани в устьях заблещут яркими флагами чужих кораблей; войдут большие египетские суда с отрадными изображениями ибисовых голов, и понесутся далеко песни звонкоголосых певцов с Дельты; для наших красавиц привезут роскошные ткани из Мальты, из Сардинии камни, с Кипра мёд и вино, от эллинов масло, мастику и изделия из бронзы, и пёстрые паруса из весёлого Тира, и ливанские кедры, без которых нет материала для строек

в безлесном Египте; а от нас купят дорогою ценой хлеб и тонкий папирус, и кружева из Саиса[17], и мемфисские колесницы, которых нет прочнее и легче на свете... Но не разлива-ется Нил, и вот, вместо всего этого оживле-ния, нынче всё охватило сном смерти: река что день больше мелеет — начинается общий страх голода и люди уже стали болеть за Мем-фисом. Вчера ещё прилетел голубь с извести-ем, что за Сауном и в Фивах пошли тёмные пятна на людях — страшное бедствие близит-ся; через три дня настанет водная ночь, и ес-ли в эти три дня и три ночи не захочет свя-щенный наш Нил подниматься, то мы подни-мем народ и все пойдем к правителю, чтобы он повелел выйти от нас христианам, или мы сбросим их в Нил, и тогда это будет для всех для них отмщение. Но ведь ты, может быть, не хотела бы, чтобы они все до одного потону-ли? Ты одного, может быть, хотела бы оста-вить на свете?

— Да, — отвечала Нефора, — я бы хотела оставить одного из христиан дольше других на земле, но для того только, чтобы он видел посрамление и гибель других и только тогда

бы погиб, когда я наслажусь над ним моим мщением.

— Расскажи мне, чем он оскорбил тебя, и я пойду к тайным жрецам, и мы тогда выберём ему страшное мщение, а твоим словом дорожит правитель; ты изукрась себя лучшим убором, пойдя к нему, плачь за народ наш и проси его сделать, что мы тебе скажем, и мщение твое совершится над тем, кто тебя оскорбил, и над всеми людьми его веры.

Нефора же находилась в таком страшном расстройстве, что как бы в забытьи рассказала бабе Бубасте всё, что было у ней год назад в жилище Зенона.

Баба Бубаста, выслушав повесть, всплеснула руками, и серьги у ней опять зазвенели, болтаясь по щекам.

— Боги! — воскликнула баба, — виданное ли дело, чтобы человек чужеверец смел бы так дерзко отвергнуть квитовое яблоко[18], которое подала ему такая красивая женщина? Отказаться от этого для какого-то учителя, который отнимает у людей лучшие сладости жизни! Это безумие! Ты отмщена будешь страшно, Нефора, и едва только три дня прой-

дёт, как это случится. Будь дома и верь мне, что как я сказала, так и будет.

С этим баба Бубаста покрылась тёмным коричневым платом и удалилась.

Глава десятая

Баба Бубаста простилась с Нефорой и, опираясь на палку, прошла через Ворота Луны и Хептастаду на остров Фаррос, где на северном берегу у пристани Морских Разбойников жили звездочёты — любители всякой мудрости, о которых говорили, что они знают тайные науки и могут видеть то, что от прочих обыкновенных людей сокрыто в природе. Здесь, на этом Фарросе, ближе к молу Александра, жили те, которые переводили на греческий язык священные книги евреев, и здесь же ближе к пристани Разбойников жили те, которые считали библейские книги за собрание недостойных жидовских выдумок. И вот тут-то, в отдалении, у самого северного берега жил одиноко, в просторной пещере, темнолицый мемфит[19], по имени Пеох. Это был старый, типический египтянин — старый потомок старых понтифов[20], человек с плоским лбом, выдающимися скулами и очень большими ушами. Он был больной человек: его сводил в комок ревматизм и безобразил катар век; глаза его слезились и впали, а ресни-

цы растопырились, и беловатый круг отделял яблоко глаза от век. Современные египтяне из черни считали Пеоха за большого ревнителя веры и ходили к нему за советами, как к человеку, наделённому острою проницательного ума, изошрённого непримиримою ненавистью ко всему, что несогласно со стариною. Пеох одинаково непримиримо ненавидел все веры, которые были несогласны с верой древних египтян, и готов был вредить каждому иноверцу; но как в то время, о котором идёт наш рассказ, охотнее всех прочих преследовали христиан, то Пеох изошрился и на то, как можно на всяком шагу и на всякий раз сделать досаду и зло христианам. Это же тогда было и нетрудно, ибо поводы к тому, чтобы нападать на христиан и грабить их, находились ежечасно. Какие бы где ни случились общественные бедствия: пожары или землетрясения, потопление судов и обвалы путей, неурожай или повальные болезни — всё это считали случившимся по вине христиан. К их обвинению равно удобно служили и сильные разливы Тибра в Риме и недостаточный подъём вод в Ниле в Египте;

равно к их же винам относили и всякие иные редкие и необыкновенные явления в природе. Всё неблагоприятное принимали как знак неудовольствия богов, обижавшихся будто на то, что теперь среди их давних поклонников живут иноверные люди, которые не воздают старым богам поклонения, а молятся как-то иначе, по-своему, — почитают какого-то распятого Назарянина[21] и совершают что-то таинственное его кровью. На что нужна им эта кровь? Они говорят, будто они ею спасаются от своих врагов. Тогда кто враги их? Очевидно, это те, кто не разделяет их странной веры. Следовательно, вот кого они и хотят пересилить и погублять кровью распятого. И им это удаётся: говорят, что они брызгают кровь по ветру, и оттого на людях выступают прыщи и сыпи, гноятся глаза, пухнут подшейные железы и гниёт в глотках; они капнут каплю крови на землю, и подыметя мошкара, которая точит все огурцы и дыни и набивается детям во рты и в глаза, и все огурцы и дыни пропадают и тлеют, и цыплята, которые их наклюются, — шелудивеют, теряют перья и зачичкаются, а у людей глаза заслезятся и

станут слепнуть...

И когда только случались обычные здесь несчастья в таком роде, сейчас всех охватывал суеверный страх и все искали причины несчастья на христианах и затевали на них погромы — людей били, а имущество расхищали и разбрасывали. Правители знали, что христиане только терпимы, но никому не желанны, и потому смотрели на бесчинства над ними сквозь пальцы; они не только не защищали горячо людей христианской веры, но даже нередко радовались, что нищие и раздражённые невежды, вместо того чтоб негодовать на безучастное правительство, срывали на христианах свой гнев и тем утоляли своё раздражение. Если же случалось, что христиан успевали сильно побить и разорить, тогда правители унимали победителей и ссылали их зачинщиков в каменоломни, а от награбленного ими имущества сами пользовались доброю частью. От высших же и далёких властей местные правители строгой ответственности за христиан не опасались, потому что люди эти были в презрении. Если и были случаи, что за обиды, сделанные хри-

стианам, спрашивали объяснений, то областные правители всегда находили много причин для оправдания, а чаще всего представляли, что христиане сами виноваты, что они имеют какие-то таинственные обряды, особятся от всех прочих и возбуждают тем против себя всеобщую ненависть. Таким образом, снисхождение к народным бесчинствам над христианами часто принималось за благородную государственную терпимость, которую областной наместник предотвращал будто большее бедствие, способное, пожалуй, перейти в угрожающее политическое восстание.

Христиане не считались столь драгоценными, чтобы из-за них строго взыскивать, и потому погромы, случавшиеся в общинах отдалённых христиан, нередко с тяжкими мучительствами, убийствами и с самым обидным издевательством над их верою, проходили без всяких наказаний или с наказаниями столь лёгкими, что над ними смеялись. Чаще же погромы даже совсем оставались неизвестными в Византии и в Риме.

Глава одиннадцатая

Бунты и восстания всего легче затеваются при унынии и страхе.

Когда вода в Ниле стояла низко в ту пору года, когда ей уже было время разлиться, тогда по всей стране египетской от Филэ до Александрии ощущалось повсеместное терзательное беспокойство: все страшились бескормицы и ходили унылые и раздражённые, многие надевали печальные одежды с неподрубленными краями, передвигали пояса с чресл высоко на грудь — к месту вздохов, нетерпеливые женщины рвали на себе волосы, а задумчивые мужчины безмолвно смотрели унылыми глазами с повисшими на ресницах слезами.

При мрачном настроении египетских характеров всё это облекало страну в ужас. То самое было и теперь, в пору нашей повести. К тому же положение, как рассказала Бубаста, осложнялось появлением множества болезней. Почтовые голуби, пущенные с верховьев течения реки из Гелиополя, Мемфиса и Фив, приносили в Александрию самые удручаю-

щие известия: вся Фиваида и Гептаноммида, и Нижний Египет слились в одну скорбь и в один стон — люди голодали, слепли, боялись друг друга и искали кого бы сделать ответственным за претерпеваемое бедствие.

Наконец, к удовольствию многих, виновные были найдены, и это, как всегда, были христиане. Правоверные египтяне уже побили в Гелиополе христианских ткачей, и то же досталось колесникам и стекольным выдувальщикам в Мемфисе. И они этого заслужили за то, что они испортили цены ткачам и колесникам, взявшись работать дешевле, чем работают все вольные люди в Египте. Им было можно дешевить, потому что они живут общинами и получают приношения от богатых людей одной с ними веры, но кто живёт своим трудом и приношений не получает, тому по такой дешевой цене ни прясть, ни ткать, ни ободья гнуть невозможно. А потому этого терпеть нельзя, это надо остановить, а для того, чтобы остановить, самое простое дело — избить христиан, отнять их имущество, поломать их станки и самих их бросить в воду. Священный Нил, кстати, принимает это за

жертвоприношение, и у старых людей есть приметы, что вода в Ниле тогда начинает подниматься.

Теперь было прекрасное время играть на этих страстях.

Баба Бубаста пошла к мемфиту Пеоху за тем, чтобы возвестить ему, что народ в негодовании и что у неё есть лицо, которое пылает местью против христианина и может поставить правителя в такое благоприятное положение, что тот вынужден будет мирволить народным бесчинствам. Пеох сидел в тени, прислонясь спиною к скале, и выслушивал то, что, стоя перед ним, говорила ему Бубаста. Он, впрочем, и сам уже знал о всеобщем унынии оттого, что долго не начинается разлив Нила, но его обрадовало, что Бубаста заручилась содействием Нефоры, которая может обезоружить правителя, и всякие издёвки над христианами сойдут у египтян с рук, не причиня им никаких жестоких возмездий.

— Ты умная женщина, — отвечал Пеох. — Эти люди должны пострадать за наши несчастья.

— Да; но как это начать? Ты ведь повсюду

славен, мудрый Пеох; ты за своею лампадой прочёл все священные свитки; ты знаешь и свет нашей истинной веры, и знаешь тоже всю ложь всех прочих учений, а мы чужих вер не знаем — мы только от чистого сердца их ненавидим. Будь головой на плечах, под которыми трепещет и поёт народное сердце священного Кемми: научи нас, что надобно делать, чтобы христиане получили всесветный позор и безвозвратную гибель? Скажи нам, что такое мы могли бы требовать от христиан, чтобы это было в их же законе и что бы могло показать всем бессилье их веры и посрамить их?

— Хорошо, я вам покажу, как посадить лягушку на дерево, но смотрите вы: уже долой с дерева её не спустите!

— О, мы её не спустим!

Глава двенадцатая

Старый Пеох посмотрел в молчании в свою лампаду и сказал бабе Бубасте:

— Ты не ложно сказала, Бубаста: я действительно знаю и свою правую веру, и все суеве- рия чужие, и всех богов суеверных. Я могу су- дить и о эллинском Зевсе, и об Ормузде и Аримане фарсийских[23] и о Егове[24], мсти- тельном боге бывших рабов наших — евреев [25], а также и о том бедняке, который был распят и которого почитают за бога себе хри- стиане. Мы их уловим на его же словах: он го- ворил что кто будет верить как он учил, то та- кой человек если скажет горе: «сдвинься», то будто гора тронется с места и бросится в воду. С кровли правителя вашего по направлению к закату видна гора Адер. Если христиане доб- ры то пусть они для спасения всех умолят сво- его бога, чтобы Адер сошла с своего места и, погрузившись в Нил, стала плотиной тече- нию. Тогда воды Нила подымутся вверх и оро- сят изгоревшие нивы. Если же христиане не сделают так, чтобы стронулась гора Адер и за- городила течение Нила, это им будет вина.

Тогда всякому видно станет что или вера их — ложь, или они не хотят отвратить общего бедствия, и тогда пусть пронесутся в Александрии римские крики: «Christianos ad leones!»[*]

— Ты мудрый, ты очень мудрый, Пеох, — отвечала простерши к Пеоху руки и опять зазвонивши серьгами, баба Бубаста. — Народ наш завтра же пойдёт к правителю требовать, чтобы он заставил христиан сдвинуть гору.

И с этими словами баба Бубаста простилась с мемфитом Пеохом и побежала к тем из египтян, кого знала за самых больших коноводов народных, и подбивала их, чтобы они внушали народу, что в разлинии Нила виновны христиане.

Скоро от этого сделалось всеобщее волнение о котором тотчас же узнал правитель, и оно его очень обеспокоило, так как он не знал, чем его утишить. Баба же Бубаста побежала к Нефоре и, распалив в ней хитрыми словами оскорбление и ревность, убедила её идти к правителю и просить его, чтобы он снизошёл к горю народа и к его надежде по-

лучить облегчение через молитву христиан, которая может двинуть гору и запрудить ею Нил, чтобы вода поднялась и оросила пажи-ти.

Нефора, в которой быстро воспламенялись страсти и сменялись движения, легко подда-лась этим словам и, скоро одевшись с боль-шою пышностью, поспешила в дом правите-ля, чтобы исполнить то, чему её научила баба Бубаста.

Глава тринадцатая

Правитель в это время находился в смущении от дошедших до него слухов о волнении в народе. Бубаста успела взбунтовать всю александрийскую чернь рассказами о вине христиан, и многие, по её научению, побежали на Фаррос к мемфиту Пеоху, чтобы услышать от него подтверждение слов Бубасты, а другие собрались в огромном числе и двинулись к дому правителя.

Когда Нефора приблизилась к дому этого вельможи, она увидела густую толпу людей, окруживших плотную массой его палаты. Огромная толпа поражала своею массой и своею пестротой: она состояла из купцов в белых одеждах с разноцветною бахромой и страшного множества полунагих кирпичников, горшечников, рыбаков, лодочников, ткачей, шерстобитов, благовонщиков, листопродавцев, рогожников, зерночистителей, масленников, мусорщиков, омывателей ног, опалхальщиков и стекольных выдувальщиков. У большинства этих людей всё одеяние состояло из одних коротких фартуков или кое-ка-

ких лохмотков, подвешенных на узеньких поясочках. Это были люди, страшные своею решимостью и тем, что им терять нечего. С ними здесь было их всё, — при них находились и их жены, пряжи, в коротких накидках, и совсем голые дети, и собаки, и кошки. Особенно много было детей. Из них одних, которые меньше, женщины несли на своих плечах или у груди, а других, постарше, тащили за собою за руки. Между маленькими детьми у многих глаза были залиты гноем, и все эти дети жалобно кричали и плакали, а те, которые были постарше, беспрестанно толкались, ссорились и дрались между собою за объедки. Множество собак и кошек, которые не отставали от своих хозяев, делали то же самое: они шнырили под ногами и оцетинивались друг на друга, то завывая, то фыркая и заводя между собою ожесточённые схватки. Но и этого было мало: как бы нарочно для увеличения шума и усиления тревожности в нескольких местах из толпы раздавались призывные звуки: здесь храпела бактрийская боевая труба, на неё откликался гудением сирийский бубен, а в третьем месте колотил арийский ба-

рабан. Всё это и перекликалось и сзывало ещё большее скопление народа. Биченосцы правителя в жёлтых туниках и в высоких колпаках напрасно махали своими раскрашенными в клетку палками. Сильные шерстобиты или не обращали на них никакого внимания, или даже переламывали их палки и швыряли обломки в лицо биченосцам.

Всё это волнение покрывалось общим воплем, в котором только иногда можно было уловить отдельные слова:

— Нил не поднимает вод!.. Мы погибаем от голода... Христиане перебивают работы... Хорошо им дешеветь, когда они живут подаянием!.. Пускай же они за нас молятся... Пошли их сдвинуть в Нил гору, чтобы река разлилась!

Нефора с величайшим трудом едва могла проникнуть в своих носилках через эту толпу. Главный вход в дом был закрыт, и она вошла в чертоги правителя через известную ей потаенную дверь, которую открыл ей хорошо знавший её привратник, после чего и эта дверь опять тотчас же была заперта. Стража со всех сторон охраняла все входы.

Правитель находился в большом смущении и перепуте. Он не знал, что ему делать: отражать народ силою он не мог, а снизить к неблагоразумному требованию черни считал за недостойное. Правителя окружала вся его семья, и тут же в среднем покое был его глупый сын, толстоносый Дуназ, и его ближайшие подначальные лица: все они подавали ему различные советы, но он все их мнения слушал, но ни на что не решался. Увидев же входящую Нефору, он обрадовался её приходу и живо воскликнул:

— Вот дорогая нежданная гостья, чей приятный приход приносит мне радость! О, как я тебе благодарен, Нефора, что ты решилась навестить дом мой в такую тревожную и досадительную минуту! Этим ты доказала мне свою дружбу, и я прошу тебя сказать мне: что ты думаешь обо всем происходящем среди глупой и презренной черни? Я знаю, что тебе дан острый ум, и я хочу на него полагаться: я даю тебе при всех моё слово, что я решусь только на то, что ты мне присоветуешь.

Нефора отвечала, что ей известно всё, что происходит, и что она не находит в этом по-

ложении ничего безысходного.

— Что же бы ты сделала на моём месте?

— Я бы их всех обманула.

— Прекрасно; но как это сделать?

— Исполни их желание: спроси христиан, могут ли они своею верой сдвинуть гору и положить её в Нил, пока он разольется от Филэ и до моря?

— Полно, Нефора, кто ж может заставить двигаться горы?

— Христиане, правитель, могут. Старый Пеох, который знает все веры, сам это читал в их христианском учении.

— Старый Пеох!.. Он это всё и наделал в глупом народе, и, клянусь, он достоин настоящего египетского удара деревянным колом в упрямый затылок.

— Тебе что за дело? Пускай и Пеох получит своё в своё время.

— А если христиане не сдвинут горы?

— Что ж за беда? Народ над ними слегка посмеется, может быть их даже немножко и поколотит. Им это будет урок, чтобы они не кичились... Они станут скромнее, а ни в Византии, ни в Риме за них не станут сильно

вступаться. Народ в огорчении своём ищет, на ком бы сорвать это горе, и на мысль ему пришли христиане. Их ведь пока здесь немного, и они не в великом почёте... Дай их народу! Ты даже должен так сделать, чтобы не вызвать бунт повсеместно, потому что теперь почтовые голуби, конечно, полетели уже в Он, в Мемфис, и в Аканф, и в Гермополь, и в Абид, и в Фивы. Поверь мне, что вскоре восстание охватит целый Египет, и тогда будут большие несчастья, которых тебе не простит император, и ты будешь смещён. Предотврати же малою уступкой и малою жертвой очень великие беды. А если ты этого не хочешь, то и я не хочу исполнять данного слова и не пойду за твоего сына Дуназа.

Рассуждение Нефоры было согласно с тем, что думал и сам правитель. Он и сам не видал никакого другого выхода и готов был на уступку, но ещё продолжал немножко колебаться, как вдруг случилось новое обстоятельство, которое понудило правителя подчиниться внушениям Нефоры. В то самое время, как Нефора с ним говорила, на площади, со стороны Игл Клеопатры, показались

Это были три человека, из которых двое очень высокого роста, а третий толстяк. Все они были в длинных и тонких белых одеждах, в широких шейных украшениях и головных повязках, гладко прилегающих ко лбу, к вискам и к пышным чёрным фальшивым локонам, достигавшим до самых их спин. Тёмные лица их были спокойны и серьёзны, а походка их тверда и величественна. В руках у каждого из трёх были длинные посохи, у двух, которые шли по краям, посохи были из пахучего дерева с неочищенной корой, и на каждом посохе наверху белый и голубой цветок лотоса; но у того, который шёл в середине, посох был из серебра, а наверху из золота изображение нильского крокодила с раскрытой пастью и с перьями страуса. Кроме того, на груди у него сиял священный амулет из сапфира. От их длинных одежд, фальшивых волос и от всего, что было при них, распространился чрезмерно сильный запах мускуса.

Это были жрецы, «столпы нерушимой веры народной», над которой отовсюду надвигались давления чужеземной образованности. Вавилоняне и римляне им были ненавистны

почти вровне так же, как греки.

Глава четырнадцатая

Толпа, увидев жрецов, тотчас же расступилась перед ними, и они прошли через неё совершенно свободно. Чего никакими усилиями не могли достичь правительские биченосцы, то вдруг сделалось само собою при появлении длинноволосых париков и костыля с разинутою пастью крокодила. Жрецы шли через толпу как по улице, ни до кого не касаясь; они даже не поднимали кверху своих опущенных и полуприкрытых веками глаз. Движения их были сурово сдержанны и исполнены удивительной плавности: жрецы точно не входили, а вплыли на широкое мраморное крыльцо правительских палат и прямо пригнувшись вплотную телом и лицами к его тяжёлым бронзовым дверям. Все трое враз они ударили в эти двери своими посохами и остановились, не шевелясь и не повторяя удара. Они точно влипли в медь и как будто знали, что они должны вскоре её проникнуть на какой-то всенизвергающей волне. Волна эта неслась за ними и несла их. Народ хлынул за своими жрецами и напёр так сильно, что

мгновенно сдавил и себя и жрецов. Раздались страшные крики одних, которые наступали, и других, которых в толпе давили.

Этот крик не то ужаснул, не то ободрил бывших в доме правителя. Глупый сын правителя, толстолобый Дуназ, даже широко оскалил зубы и, смеясь, сказал:

— Ага! Вот им и конец!

— Кому? — спросила Нефора.

— Тем, от которых так сильно пахнет мускусом, что я даже здесь слышу через окна этот запах. Где мускус, там всегда недалеко колесница смерти.

— Да, это правда, — отвечала Нефора и указала рукою в окно, из которого теперь можно было видеть, что в том конце площади, между Игл Клеопатры, где за минуту стояли жрецы, теперь показался стенобойный таран на колёсах, и народ бросился, чтобы подпрягаться к канатам и тащить стенобой к правительским бронзовым дверям.

Дуназ, и его отец, и все остолбенели, а Нефора махнула из окна своим голубым покрывалом, и когда после этого знака крик на мгновенье затих, она сказала народу:

— Отступите с крыльца... Правитель сейчас примет ваших жрецов и сделает всё, что можно сделать, чтобы Нил скорее разлился.

Народ отступил от крыльца, а жрецы вошли в открытые для них двери и через малое время вышли из дома правителя и объявили собравшимся людям, что правитель сейчас же пойдёт к христианскому патриарху и повелит ему исполнить то, о чём просит встревоженный народ, то есть сделать общее моление о том, чтобы сдвинуть гору.

Люди послушались жрецов: опять на иной лад захрапела труба, загудел бубен и залопотал барабан, и бунтовщики стали расходиться. Площадь опустела, и толпы отодвинулись к окраинам, за Некропольские ворота и к Лохиасу, но возбуждение в духе оставалось прежнему и ежеминутно снова готово было ожесточиться и проявить себя. Люди сидели кучками за ристалищем и по берегам канала и ожидали вестей, что будет сделано по их просьбе. Почтовые голуби действительно были пущены жрецами, как предполагала Нефора, и несли возбуждательные полоски тонкого папируса в Он, Мемфис, Абид и Фивы, до Кар-

нака и Луксора. Александрийские вести быстро долетели до ушей вещей статуи Мемнона, и Амгиготеп заговорил на рассвете[26].

Возбуждение в Александрии только временно было сдержано уступчивостью правителя, но оно не было угашено, и правитель теперь находил за самое лучшее действовать не прямо, а с хитростью: он в одно и то же время послал императору донесение о беспорядках, которые произвела чернь, и просил поддерживать его присылкою вспомогательной военной силы, а в ожидании этого пособия решился мирволить народным требованиям настолько, чтобы пожертвовать им спокойствием и, может быть, жизнью нескольких христиан. Он знал, что христиане не пользовались особым расположением у правительства, которое ещё склонно было почитать их за людей, вредных общественному благоустройству; сам же правитель ненавидел александрийского патриарха, который был очень умный и ловкий человек, имел в столице могущественных друзей и крепко удерживал их расположение посредством таких александрийских пурпуровых ковров, о кото-

рых ещё Феокрит[27] писал, что они «нежнее сна и легче пуха».

Эти ковры делались руками христиан, живших в общине на общественные приношения, и потому обходились патриарху гораздо дешевле, чем мог иметь их от вольных мастеров правитель. Поэтому им было трудно равняться в приношениях и в жертвах.

Вообще правитель давно опасался возроставших средств патриарха и, завидуя ему, досадовал, что в его руках не было никаких средств превзойти патриарха, располагавшего такими дарами, которые высоко ценили завоеватели Египта.

Глава пятнадцатая

Чтобы дать удовлетворение взбунтовавшейся черни и сделать затруднительным положение патриарха, правитель тотчас же позвал одного из своих приближённых, велел ему взять в руки букет цветов и идти к христианскому патриарху с поручением рассказать ему всё, что случилось, и спросить его: действительно ли есть в учении христиан такое уверение, что по вере их гора может сдвинуться и идти в воду? Если же патриарх скажет, что это есть, то просить патриарха, чтобы он для всеобщего блага всех жителей египетской страны повелел своим пресвитерам начать об этом общее моление и сам принял в том участие.

Патриарх же ещё ранее знал обо всём, что происходит в городе, и, имея в свите правителя подкупных людей, которые тоже любили ковры «нежнее сна и легче пуха», постоянно был ими обо всём извещаем. Так известился он также заранее и о наряженном к нему посольстве и, в ожидании посла с букетом, удалился в свою пышную баню и, раздевшись,

сел в широкую круглую ванну, над которою в потолке пёстрым мрамором были выложены слова: «Мы веруем в единое божество Иисуса Христа и в воскресение тела».

Правительский посол застал его в ванне, окруженного аколүфами[28] и отроками[29], которые держали в руках небольшие сосуды с ароматным нардом[30] и большие легкие опахала из павлиновых перьев, и потому посол был принят не скоро, а ждал долго, стоя в приемной с своим букетом. Когда же это показалось послу слишком продолжительным, то он просил доложить патриарху, что прислан наспех, и угрожал возвратиться к правителю, не дождавшись ответа.

Патриарх тогда вышел из ванны, вытерся нардом, надел золотые сандалии и, покрывшись белым хитоном, принял посланного, сидя на диване и освежая лицо прохладною водою с ароматом фиалки. Вокруг патриарха стояли его аколүфы и отроки, махавшие опахалами. От посла взяли принесённый им по обычаю букет «говорящих цветов», в знак миролюбивости посольства, и писание, в котором правитель изъяснял ему, в чём заключа-

ется дело, и потом тут же укорял его за то, что христиане ткачи и ковёрщики раздражают рабочих, принимая в свои общины всяких ленивых и ничтожных людей, которые приходят просить крещения без всяких убеждений, единственно из-за одного того, чтобы жить в общине на счёт верующих, и потом, пользуясь общественными приношениями в виде хлеба, и мяса, и рыб, эти даром накормленные люди могут работать дешевле, чем прочие трудолюбивые мастера, имеющие на своём содержании целые семейства. Из этого правитель выводил всю народную ненависть к христианам, которую он хотя и осуждал в лице бунтовщиков, но не находил у себя средств теперь твёрдою рукой подавить этот бунт, прежде чем к нему придёт подкрепление. А потому, пока обстоятельства изменятся, он просил патриарха, если вера христианская даёт средство сдвинуть гору, то назначить для успокоения волнующихся людей общественное моление у подножия горы Адер, чтобы она пошла с места и, став поперёк течения Нила, сделала запруду, от которой бы образовался повсеместный разлив.

Патриарх же ещё раньше обмыслил, что затею, которую выдумал хитрый Пеох, прямо отклонить невозможно; а пока он сидел в своей ванне, на дворе его слуги всё приготовили к тому, чтобы он мог сейчас же уехать из города. Послу же он отвечал, что хотя и сам Гомер ошибался но что для веры нет ничего невозможного, он же, патриарх, имеет только общее, высшее попечение, а в Александрии им поставлен отдельный епископ и потому пусть к тому и идут и ему пусть скажут, чтобы он сделал всё, что нужно.

Аколуф скоро написал от патриарха правителю грамоту в этом смысле и вручил это писание послу вместе с букетом из белых роз и персидской сирени из патриаршего сада. Посол взял ответ и цветы и отправился с тем ответом к правителю, а патриарх сию же минуту оделся, взял свои драгоценности и свою свиту и поскакал на быстрых мулах вон из города через Ворота Солнца, а за стеною повернул к востоку, надеясь в каком-либо из семи нильских гирл найти греческую трирему или быстроходный чужеземный корабль и бежать на нём от возмущенной страны и от ко-

варного правителя, с надеждою отплатить ему издали за его издевательство.

Правитель почти немедленно же узнал об отбытии патриарха и страшно разгневался; он послал за ним погоню, но это было бесполезно, потому что никто не знал, куда патриарх повернул за Воротами Солнца. Тогда правитель вскричал:

— Он недаром привёл в ответе своём, что «и Гомер ошибался»; я никак не ожидал того, что он сделал, и ошибся не хуже Гомера.

И затем он позвал воинов и велел им взять епископа и привести его к себе.

Епископ жил далеко на окраине и не знал, что сделал патриарх.

Когда воины пришли за епископом, то он спокойно играл в шахматы с одной знатной прихожанкой и удивился всему, что услышал, и начал говорить, что он лицо подчинённое и ничего не смеет без патриарха; но когда ему сказали, что патриарх выставил его лицом самостоятельным в Александрии, а сам неизвестно куда уехал, то епископ заплакал.

Послы же не дали ему долго сокрушаться; они взяли и повезли его в закрытой колесни-

це к правителю, который прямо и бесцеремонно спросил его, действительно ли в учении христианском сказано, что с христианскою верой возможно сдвинуть гору? И когда правитель получил в ответ, что упоминание об этом действительно есть, то он не захотел ничего больше слушать, а сказал:

— Вот я тебе назначаю сроку три дня. В эти три дня я дам всем неимущим работу и буду платить им за то, что они станут строить скамьи для сидений и лавки для продавцов вокруг горы Адер, а для вас, христиан, я оставлю свободное место среди всех скамей от горы и до самого Нила. Собери всех своих самых лучших людей, у которых ты знаешь самую крепкую веру, и явитесь там рано утром отныне на третий день. Смотрите. Молитесь, как вам по вере вашей надо молиться, но чтобы гора непременно сошла с своего места и опустилась в воду; а если вы этого не сделаете, вам будет худо. Весь народ из Александрии выйдет, чтобы посмотреть на вас, и ваше дело — сделать так, чтобы от этого вышло торжество вашей веры или стыд. Если гора пойдёт и река поднимется, народ оценит помощь, какую

вы окажете всей стране этою услугой. Если же вы гору Адер не сдвинете, то всем ясно будет, что вы не хотели сделать добра, которое можете сделать, и, стало быть, вы не друзья людям, среди которых живёте. Тогда я вас защищать не могу, и пусть с вами будет то, чего вы в глазах народа достойны. Теперь я велю тебя и других старейших ваших до времени строго стеречь, и если вы сами добровольно не пойдёте делать моление к горе, то я прикажу вас привести туда подневольно. За слушание вы испытаете на себе силу гнева скорбящих людей, которых вы раздражили, а я приложу на вас всю строгость кары законной: я возьму всё, что вы имеете, в казну императора, а самих вас всех взрослых пошлю в цепях и с колёсами на шеях на вечные работы в каменоломни. Да, из вас ни один не будет забыт — вы все без исключения пойдете с связанными руками на юг, ближе к земле глупого народа Куш[31], и за поясом у каждого из вас будет заткнут приговор, которым будет определено, по сколько ударов воловьёю жилой этого человека будут бить эфиопы каждый день трижды — поутру, в полдень и на

ночь. Итак, все вы останетесь там в каменно-ломнях, пока каменистая пыль сотлит ваше тело.

Глава шестнадцатая

Окончив эту обидную речь, правитель велел подать в руки епископа очиненную для писания трость и приказал ему написать ею имена всех известных ему христиан, живущих в Александрии, причем пригрозил, что если хотя одно имя будет утаено, то он поступит с епископом так, как будто он был уже узник в каменоломнях.

Епископ оробел, принял дрожащей рукой трость и в испуге начертал имена всех, кого имел основание почитать христианами, но, несмотря на то, что он старался не позабыть ни одного надёжного человека, правитель ему не поверил и заставил его поклясться, что он никого не укрывал. Опасаясь ответственности, епископ ещё вспоминал и ещё много дописывал, но боялся поклясться, не надеясь на свою старую память, и стал плакать. Имени Зенона не было в епископском списке.

Правитель сжалился над епископом и отпустил его, строго сказав:

— Не рыдай. Если ты ошибся и не всех записал, то я тебе это прощу: и Гомер ошибался.

Оставь здесь списанье имён твоих христиан и иди собирай этих и других, которых ты мог позабыть; я по три раза на день буду присылать к тебе на двор узнавать, сколько вас соберётся, чтобы идти сдвинуть гору. А сейчас пошлю во все концы города глашатаых с трещотками объявить всему народу, что общее желание будет исполнено и пусть никто не унывает, а все пусть собираются идти к горе Адер смотреть, как она сойдёт с своего места и запрудит Нил.

Правитель понял свою выгоду и заботился только о поддержании весёлых надежд в умах встревоженного и упавшего духом населения, но положение епископа было другое.

Епископ поклонился, сложив в знак покорности на груди свои руки, и вышел, обливаясь слезами. Он не в состоянии был и думать о том, что ему задано и что надо начать делать. Как ему выходить самому и как вывести всех записанных в список на такое испытание, которое коварный и мстивый Пеох выдумал, конечно, только затем, чтобы получить возможность осмеять христианскую веру всенародно в глазах тысяч зрителей?

Волею и неволею прежде всего ему приходило на мысль то, что почёл за самое лучшее выше над ним стоящий патриарх, и это притом казалось самым благоразумным и лёгким; но ведь тот же самый патриарх всем советовал помнить, что «и Гомер ошибался».

Епископ решился искать совета самых преданных ему людей и, возвратясь домой, сейчас же рассказал ужасную новость ожидавшей его знатной прихожанке. Эта именинная женщина очень встревожилась и сейчас же разослала рабов к другим знатым прихожанам просить их прийти немедленно в дом её на необходимый совет. Знатные прихожане скоро собрались и, выслушав рассказ, все пришли в большой ужас, но, вместо того чтобы ободрить епископа благоразумными и острыми советами, они стали укорять его, для чего он написал имена их. Он же отвечал им:

Они на это коротко ответили, что это не их дело, и все были унылы и толковали только о том, что коварная выдумка Пеоха грозит ущербом и разорением для всех их имущественных дел и даже самую жизнь их ставит в опасность от разъяренного народа. Кончили

же они тем, что стали укорять епископа:

— С какой стати ты переписал одних нас — людей именитых, и теперь одних нас сюда собрал? Это противно вере: перед богом все люди равны, как знатные, так и незнатные. Мы не хотим гордиться перед незнатными и бедными и слушаться божьей воли. Оставь решение до завтраго утра, и когда у тебя завтра утром на заре ударят в медную доску, мы хотим собраться все вместе с простолюдинами христианской веры — может быть, в их простых умах найдётся больше, чем у нас, и веры, и разума, и смелости.

Епископ на это согласился, и когда, после тревожно проведенной засим ночи, ударил утром в доску, то увидел, что двор его стал наполняться чернородьем из Малой Гавани и других отдалённых предместий, но из вчерашней знати, которая хотела здесь сойтись с чернородьем, теперь не было ни одного человека.

Епископ узнал в толпе рабов некоторых из этих отсутствующих и спросил, скоро ли господа их придут, — но рабы только качали головами и тихо шептали:

— Не жди их напрасно; они не придут. Они теперь уже далеко.

Но епископ всё-таки ждал, пока люди на его дворе стали томиться голодом и, подтягивая туже и выше свои пояса, начали щёлкать зубами, и, уныло глядя на епископа, все стали просить хлеба. Епископ разослал всех своих аколуфов и опахальщиков, чтобы торопить знатных, но аколуфы и опахальщики возвратились и сказали, что знатных нет никого в городе. Тогда при таком ужасном известии и при виде томлений народа от голода епископ послал самого любимого своего опахальщика к знатной прихожанке просить её, чтобы она приходила сама и прислала как можно скорее корзины с хлебом для простонародья, но опахальщик вернулся назад с пустыми руками и сказал, что не застал в доме знатной прихожанки никого, кроме одного болезненного раба, который сообщил ему, что госпожа его минувшей ночью, как только осталась одна, сейчас же собралась и со всеми лучшими из слуг своих выехала ночью на шести колесницах по Канопской улице.

Епископ сдвинул плат, покрывавший его

голову, себе на лицо и, всплеснув руками, воскликнул:

— О, какое коварство! Я так ошибся, как и Гомер не мог ошибаться!

Глава семнадцатая

Скорбь епископа о побеге всех именитых друзей была велика, но он не мог предаваться ей долго в отчаянии: собранный на его дворе чёрный народ настойчиво требовал пищи, и епископ поспешил немедленно распустить со двора народ, пригласив всех опять прийти завтра и обещаясь всем, что с утра на дворе будут для всех изготовлены в изобилии пища и питьё с растворённым вином. Сам же епископ спешно вышел другим выходом, которым двор его соединялся с домом знатной прихожанки, и обошёл все её покои, но нигде не находил никого живого, а везде замечал в покинутых вещах беспорядок и следы торопливых сборов к побегу. Наконец на ларце, в котором лежали шахматы, епископ нашёл связанный лентой папирус, а в нём извещение, что госпожа, опасаясь тревожных событий, отбывает на время в Пелузу и увозит с собою свои удобоподвижные драгоценности; а все запасы житниц своих и дома оставляет епископу в его полную власть и употребление.

Тут же в шахматном ларце были положены и ключи от скарбниц и житниц с надписями на слоновых дощечках, под каким ключом что сохраняется.

Это теперь было кстати, потому что отпущенный народ по особым причинам не мог оставить епископский двор. Епископ взял ключи и отослал их домой с опахальщиком, а сам пошёл к другим из тех знатных прихожан, которые вчера вечером обиделись, зачем епископ их записал, и разошлись, обещаясь собраться поутру вместе с простолюдинами, но не собрались. Но из них тоже никого не было дома: все они побросали дома и ключи от скарбниц и от житниц на волю епископа, а сами извещали оставленными записками, что отбывали к портам, кто в Каноп, кто в Саис, кто в Мендес, кто в Пелузу, куда всех раньше устремилась прихожанка.

Обойдя все дома людей знатных, епископ везде заставлял одно и то же и набрал такое множество ключей, что едва мог нести их, а опахальщики не спешили к нему на помощь, и когда епископ пришёл домой, то уже не мог нигде отыскать ни одного ни аколуга, ни опа-

хальщика. Так заразительно и быстро распространялся страх и влечение к побегу, начатое знатными, имевшими наготове мулов и колесницы, и дома за городом, и друзей, и родственников в Саисе и Пелузе, и свои корабли во всех семи нильских гирлах. Зато чёрный народ: все ткачи, шерстобиты, кирпичники и стекольные выдувальщики были по-прежнему на дворе и кричали, что они голодны и не могут выйти, потому что ворота с улицы заперты и к ним приставлена стража.

Епископ вдруг становился богатым обладателем всего, что покинули ему бежавшие знатные люди; но на что теперь ему было всё это богатство, когда оставалось всего лишь два дня до того, когда надо идти сдвигать гору Адер и заграждать ею Нил?

Епископ бросил ткачам и шерстобитам ключи от съестных амбаров и показал потаённый ход на соседний двор, а когда народ устремился туда, чтобы утолять свой голод, епископ швырнул и другие ключи от других скарбниц и житниц на каменный пол и оттолкнул их ногою.

«На что, — думал он, — мне теперь всё это

изобилие, когда я оставлен всеми именитыми людьми и скоро должен буду претерпеть муку с одними невеждами рыбаками, ткачами и шерстобитами?»

Но вскоре он оправился, встал и быстро пошёл в свою конюшню посмотреть, напоен ли и не стоит ли без пищи его мул и крепки ли у его копыт медные подковы?

Стойло было пусто.

Епископ только развел руками... Мул ведь, конечно, не сам своею волей бросил спокойное стойло и ясли, полные сочного корма... Кто ему наложил и епископское седло с бахромой и уздечку с кистями и не позабыл даже шёлковой плетки?

Епископ, однако, недолго оставался в этом состоянии, потому что кто-то неожиданно коснулся рукою до его плеча и чей-то беспечный и насмешливый голос сказал ему:

— Ты, верно, пришёл сюда посмотреть, крепки ли подковы у твоего мула?

— А тебе что за дело? — отозвался епископ.

— Мне до тебя есть дело, потому что я прислан за тобою от правителя, и при мне здесь есть воины и биченосцы. Правитель разгне-

ван, что ты не доставил ему в течение дня доносений о том, как идёт у вас приготовление к тому, чтобы передвинуть верою гору.

Епископ же отвечал:

— Я не имею о чём доносить, потому что от меня все бегут, и, мне кажется, я скоро останусь совершенно один.

— Это не наше дело, — отвечал правительский посол. — Мы пришли за тобой, иди объясняться с правителем.

Сказав это, посол указал мановением глаз на епископа биченосцам, и те сейчас же положили шнуры на запястья его рук и повели его под охраною к правителю.

Глава восемнадцатая

Правитель, согласившись допустить зрелище из того, как христиане выйдут сдвигать гору, был сам недоволен, что он уступил волнению взбунтовавшейся черни, и искал средства заглушить в себе досаду. Он старался веселиться в сообществе своих приятелей, и в то время, когда к нему повели епископа, правитель вкушал вечернюю трапезу с своею семьей и с именитыми гостями, в числе которых была и Нефора. Все они помещались в большой столовой комнате, которая представляла собою соединение эллинской красоты формы с египетскою пестротой и яркостью красок. Стены были выложены изразцами, разделанными живописью по греческой моде. Краски были изумительно живы. Столовая была совсем без потолка. Он заменялся подвижною шёлковою тканью, которая сдвигалась и раздвигалась на кольцах, ходивших на бронзовых прутьях. Днём, когда солнце горело на небе, это полотно было задёрнуто, а к вечерней трапезе его открывали. Теперь, после знойного дня, ткань была отдёр-

нута, и над головами людей, вкушавших яства в этой роскошной столовой, величественно синело высокое небо с множеством звёзд. Свет луны заходил сюда только откосом, серебря один угол покоя.

От канделябров и ламп, горевших на столе, далёкое бесконечное пространство вверху казалось чёрною бездной, в которой звёзды висели как огненные шары. Внизу на столе были разнообразные яства и питья: тут стояли и, дымясь, распространяли аппетитный запах огромнейшие жаркие из верблюжьего мяса, краснопёрые рыбы, драгоценные хиосские подносы и вазы, на которых были красиво уложены отборные фрукты: винные ягоды, финики, виноград и янтарные дыни, нежный сыр на фигурных тарелках из поливанной глины, два превосходно исполненные серебряные улья работы Зенона, наполненные мёдом, и посередине этих двух ульев работы того же Зенона высокое серебряное украшение, похоже на жертвенник греческих храмов, — всё обвитое миртами и розами. Наверху жертвенника дымилась ароматная курильница, и тут же стояла большая серебряная чаша с ви-

ном, растворённым водою. Вокруг этой чаши стояли кубки в виде звериных и птичьих голов. Общество было весёлое. Были изящные женщины и молодые мужчины; все находились в весёлом, остроумном настроении и шутили насчёт того праздника, которое так неожиданно устраивается послезавтра; оно послужит и для успокоения народа и для их развлечения. Христиане, которые осуждены принять страдательную роль, могут себя чувствовать, как им придётся. Один кто-то сказал:

— Кто бы какое мнение ни имел о презренных людях, к которым принадлежат наши ткачи и шерстобиты, но должно признаться, что они должны будут доставить для нас самое необыкновенное увеселение. Ристалища, без сомнения, представляют много изящества и грациозной отваги, но все мы это уже много раз видели, и это утратило новизну. Между тем сдвинуть гору одною верой — это совершенно ново и необыкновенно, и я поднимаю фиал за остроумных ткачей и шерстобитов.

Другой отвечал:

— Чернь всегда останется чернью, и похва-

лы, которые сейчас сказаны, принадлежат не ей, а старому Пеоху, который живет на Фарросе.

— И это ещё не так, — вмешался сын правителя, толстый Дуназ, — всем удовольствием, которое ожидает нас, мы обязаны прекрасной невесте моей Нефоре, потому что это она уговорила моего отца согласиться сделать уступку требованиям черни и вывести христиан к горе Адер. Какая счастливая мысль! Два дня назад чернь была без работы, а теперь тысячи рук строят там наскоро прекрасный амфитеатр для зрителей, и в городе оживление: все мулы наняты, все пирожники и фруктошники, рыбаки и продавцы вина в городе готовят в страшном изобилии свои произведения для публики. Завтра туда соберутся цветочницы, певцы и фокусники — там будет множество весёлых шатров с цветами, питьём и едою, а послезавтра, утром на ранней заре, там будет всё население Александрии, чтобы смотреть, как эти смешные люди с их верою в распятого бога будут сдвигать с места гору и поведут её в Нил.

— Да, сын мой Дуназ в своих словах при-

близился к правде, — отозвался правитель, — но Дуназ ещё недостаточно оценил всё, что сделала прекрасная Нефора, которую я нетерпеливо жду назвать моею дочерью. Её ум поистине равен её чрезвычайной красоте и потому только не превосходит её, что это уж невозможно. Мы обязаны прелестной Нефоре не только тем, что она доставляет нам и всему народу весёлое препровождение времени на счёт христиан, но мы ей обязаны и нашею безопасностью. До сих пор у нас был бы всеобщий бунт, которому я не мог бы воспрепятствовать с тем малым числом воинов и биченосцев, которых имею в моём распоряжении. Они едва в состоянии сдерживать порядок только при обыкновенных обстоятельствах, а при таком народном волнении, какое вдруг обнаружилось третьего дня и, без сомнения, с быстротою развилось бы повсеместно, эти силы оказались бы ничтожными. К тому же мои расстилатели ковров сегодня утром перехватили голубей, на которых нашли извещения, что огромные толпы рабочего народа двинулись к Александрии из Гермополя, и завтра, без сомнения, мы уже увидим их тол-

стодонные барки. Толпы эти выйдут на берег и ринутся к моим палатам, но скамьи, которые строят теперь амфитеатром у Адера, остановят их и изменят их направление. Гермопольцы не увидят того, что ожидают: в городе нашем нет ни уныния, ни воплей. Люди работают топорами и обойными инструментами; всем им даётся высокая плата; ковры и все обойные материи вздорожали вдвое против своей цены; все люди оживились, веселы и работают, а впереди ожидают ещё большего веселья, и оно для них будет если не в том, что христиане в самом деле сдвинут для них гору и положат её поперёк Нила, то по крайней мере всем будет весело смотреть, как эти самохвалы будут напрасно молиться по своему обычаю и потом к вечеру должны будут сознаться в своём бессилии...

— Но тогда народ может броситься на этих людей и произведёт кровопролитие, а после опять начнётся волнение, которое будет угрожать гибелью всем нам, состоятельным людям, — перебил один из гостей.

— Нет, — отвечал спокойно правитель, — это могло бы случиться в таком разе, если бы

к мудрости и богатой жертве великодушной Нефоры не было присоединено частицы и моей старческой опытности в управлении народом. Я не хочу скрыть здесь от вас, что Нефора сделала более, чем вы знаете: она не только убедила меня в благоразумии этой меры, но и дала средства для её исполнения: казна моя была пуста, и я не мог бы предпринять всех расходов, которые потребовались на то, чтобы дать щедрый заработок всем занятым теперь перестройками людям, но Нефора дала на это средства.

— Возможно ли? Мы этого не знали! — воскликнули гости, обращаясь к Нефоре, которая сидела меж ними в задумчивости и хранила молчание.

— Да, вы этого не знали, — продолжал правитель, — но я вам теперь выдаю её тайну и вместе с тем открываю мою собственную тайну, которая должна успокоить вас за вашу безопасность и великодушную Нефору за целость истраченных ею на общую пользу значительных денег.

— Я не забочусь об их возвращении, — проронила Нефора.

— Да, ты об этом не думаешь, я верю тебе, но я, к удивлению моему, замечаю однако, что ты сегодня печальна.

— Моё настроение не зависит от денег.

— Верю тебе, но ты скоро будешь моею семьянкой, и я ни за что не допустил бы тебя изнурять своё богатство, если бы не имел твёрдой надежды возвратить тебе с лихвою всё, что ты дала мне за эти издержки. Посрамление, которому подвергнутся у Адера христиане, не принесет гибели никому, кроме самих этих ненавистных суеверов. Народ не будет иметь никакой возможности грабить богатых людей, потому что мною потребован флот с вспомогательным войском, и десять судов в полдень сегодня прошли уже в виду Балбетинского гирла. Паруса их велики, и им ветер попутен, — они идут скоро, и завтра они будут у Канопа, а в то время, когда весь народ из города выйдет смотреть как христиане пойдут двигать гору, войска обогнут Лохиас и войдут в город. Возвращающиеся толпы, — каков бы ни был исход дела с горою, — будут остановлены и обезоружены; на другой день над ними будет произведён суд, все глав-

ные виновники восстания будут выведены с смертными приговорами за поясом на Гепту и преданы казни, а их имущество взято в казну, и от него отделится то что нужно, чтобы возвратить издержанные сегодня деньги Нефоры.

Это прекрасно! Ты мудрый и справедливый правитель, — воскликнули многие разом — и нам теперь ничто более, не мешает предаваться безмятежному веселию в твоём доме, в этой прекрасной столовой, в которую с высоты неба смотрят звёзды и, верно, завидуют ясным очам прекрасной Нефоры. Поднимаем фиалы за очи Нефоры и за счастье Дуназа.

Когда же тост был выпит, правитель, улыбнувшись, сказал:

— Веселитесь и пейте, славьте красу и разум Нефоры: никому никакой опасности нет, а смешное для общей забавы уже началось: патриарх и все сколько-нибудь богатые люди из содержавших христианскую веру бежали, ловкий предатель из епископских слуг известил моего жезлоносца, что и епископ сейчас сам приходил на свою конюшню, чтобы

осмотреть подковы у своего мула... Конечно, и он хотел потребовать наступающею ночью услуг от этого животного, но я этого не допустил, потому что это угрожало опасностью — оставить зрителей без актеров. Я послал людей, чтоб епископа привели сюда, а из города не велел выпускать ни одного христианина, но всех их собирать на епископский двор, откуда все они разом должны будут идти совершать моление у Адера.

В это время жезлоносец доложил правителю о приходе епископа, которого все пировавшие пожелали видеть, и он был введён в столовую и оставлен стоять на ногах перед пирующими за столом гостями, в числе которых была и Нефора. Молодая женщина быстро устремила на старика острые и проницающие взгляды, как будто она хотела прочесть по его лицу что-то такое, на что не давали ответа обстоятельные объяснения правителя.

Глава девятнадцатая

Епископ чувствовал своё унижительное положение и отвечал коротко и неохотно, что и было понятно, так как все вопросы, которые ему предлагали сам правитель и его гости, очевидно клонились к тому, чтобы усилить и без того затруднительное положение вопрошаемого и сделать предметом насмешек и шуток как его самого, так и тех людей, за веру и упование которых он был здесь представителем. Особенно в этом отличался Дуназ, искавший возможности понравиться Нефоре своею наглостью над беззащитным и потерявшимся стариком; но Дуназ достиг этим совершенно противоположного: Нефоре не нравились его издевательства, может быть, особенно потому, что в них старался отличиться противный ей жених, и она сказала:

— У этого человека на руках строгое дело, и он должен иметь в сборе все свои силы, а потому, если я смею просить, то я бы просила отпустить его к его месту, так как его вид и воображение об участи, ожидающей людей

его веры, совсем не располагают меня к веселью.

Епископ услышал эти слова, взглянул на Нефору и произнёс с достоинством:

— Благодарю тебя, сострадательная госпожа, и молюсь, чтобы Бог милосердия совершил для тебя самое благое из твоих желаний.

А Нефора встала с места, позвала свою рабыню, опустила руку в висевший у её пояса длинный жёлтый шёлковый кисет и, достав оттуда горсть золота, подала её епископу с словами:

— Возьми от меня для своих бедных.

— Не беспокойся, — отвечал благодарно, отстраняя её руку, епископ, — те, которые идут со мною, все приготовились скоро умереть, и нам теперь не надо золота.

— Значит, вы не надеетесь сдвинуть гору? — спросил Дуназ.

Епископ молчал.

— Ты, однако, ещё не отчаивайся, — вмешался правитель. — Ты помни слова, что «иногда и Гомер ошибался».

— Я ни в чём не отчаиваюсь.

— Вот это прекрасно, но прослушай, пожа-

луйста, список, в который ты сам записал всех лучших людей вашей веры, и скажи мне: неужто они все до одного так единомысленны, что разом успели оставить Александрию? Где все они делись?

— Я их не видел и знаю только одно, что дома их пусты.

— Иди же и береги тех остальных, кто остался, ты мне за них отвечаешь. Завтра я пришлю к твоему дому отряд биченосцев, чтобы сопровождать вас к горе Адер. Иди!

Епископ поклонился и вышел, но Нефора, дав ему отдалиться от прочих, нагнала его у двери и сказала:

— Старик! я должна тебя предупредить ты ошибся.

— В чём?

Епископ подумал, стараясь припомнить, и ответил:

— Ручаюсь тебе, что я никого с умыслом не скрывал и других христиан не помню.

— Нет, я вижу, что ты одного укрываешь!

— Скажи мне, как его имя?

— Его имя Зенон.

— Зенон!

— Да!.. Он знаменитый художник... Его всякий знает в Александрии, и не знать его невозможно.

— Ах, это кривой Зенон, златокузнец?

— Ты как будто насилу вспомнил его?

— Конечно, так это и есть: я его едва знаю.

— Как! ты едва знаешь Зенона, которого знает вся Александрия?

— Языческая Александрия!

— Почему же только одна «языческая»?

— Он делает ваятельные изображения.

— Но разве это дурно?

— Христианину непристойно этим заниматься.

— Почему же? Разве искусство унижает христианина?

— Так постановил отец Агапит.

— Но ведь это безумно!

— Так постановил отец Агапит.

— Однако всё ж Зенон вашей веры?

— Нет, мы его своим не считаем.

— Как нет? Разве он не верит учению распятого?

— Ты, госпожа, не можешь об этом судить.

— Я сужу по тому, что видела, а я видела

большое доказательство тому, что Зенон — христианин. Посылай скорее за Зеноном, спеши за ним сам, зови его с собою.

— Он не пойдёт.

— Нет, он пойдёт, и если только гора может сдвинуться и пойти, то один Зенон её и сдвинет. Но чтобы тебя убедить, жди меня: я приду к тебе и расскажу тебе больше.

Епископ ушёл и не послал за Зеноном, а знатные гости продолжали пировать, пока в тёмном небе начали бледнеть звёзды и посеребрённый луною угол пропал, слившись в один полумрак с остальными частями верхнего карниза. Гости хотя пили хиосское и фалернское вино в смешении с водой, но чувства их быстро отяжелели. Дуназу показалось раз, что луна исчезла. Он об этом сказал, и над ним посмеялись. Правителю тоже показалось, будто на его лысый череп, разгоряченный вином, капнула холодная капля, но он только посмотрел на небо и, боясь быть смешным, никому не сказал об этом.

Глава двадцатая

Утро следующего дня, который предшествовало сдвиганию горы христианами и вступлению войск для усмирения жителей, было пасмурное, что редко случается в эту пору года в Египте. Дул ветерок, и по небу слегка обозначались зачатки перистых облачков. Людям, которые собирались к Адери, было легко и удобно отправляться туда и там устраиваться.

От города до Адера, по направлению к Канопскому гирлу Нила, было день пути. Путь этот совершали как прогулку для большого удовольствия. В огромной толпе чисто египетского народа было множество заезжих разностранцев и оседлых чужеземных нашельцев. По дороге люди подвигались бесконечною вереницей; одни ехали на ослах, другие на верблюдах, третьи в колесницах, запряжённых мулами, но всего более было пешеходов. Шли старцы и взрослые мужчины и женщины. Последние тащили с собою нагих детей. Торговцы несли или везли на ручных тележках тяжелые корзины с рыбами, с пря-

ным испечённым мясом, с душистыми пряничными орехами и с овощами, состоявшими большею частью из огромнейших огурцов до фута длиною и из громадных дынь, достигавших до пуда весом. Плоды эти были переложены листьями крапивы величиною в две человеческие ладони. Другие несли на головах огромные поливные сосуды почти в рост человека. Узкие горла этих сосудов были заткнуты тоже свежими листьями крапивы и обвязаны пузырьём. В этих сосудах содержалось сирийское вино, которое хотя было и грубо, но на простой вкус нравилось не хуже, чем людям высшего класса нравилось вино из Хиоса или от подошвы Везувия. Пекари двигали перед собою длинные ручные тележки с хлебами, у иных наверху были привязаны таганы и котлы и мешки с рисом и чесноком, чтобы варить на месте похлёбку. Всё собиралось пить и веселиться и торопилось на место, чтобы занять лучшую позицию. С некоторыми были лёгкие переносные шатры. Для богачей шатры были уже устроены ранее высланною к Адеру прислугой, а большинство тащило свои лёгкие шатры на ослах за

собою. Особенно выделялись группы, состоявшие из полунагих плясунов на канате и фокусников, которые тут же на ходу глотали живых змей и делали мимоходом другие удобные представления, но всех больше интересовали собою нарядные цветочницы, вокруг которых неотступно вилась резвая молодёжь, увлекаясь прелестями и весельем этих нестрогих и прелестных красавиц. Самые знатные юноши, вырвавшись из города, где их стесняли приличия, здесь чувствовали себя на свободе и не хотели уже ничем стесняться, а, напротив, предавались самым необузданным увлечениям своего возраста и темперамента. Цветочницы все были молодые женщины египетского типа, с плосковатыми лбами, но живые, весёлые, иногда остроумные, красивые, с стройным станом, приятно округленными формами и замечательно упругим телом. Все они, как жрицы одного сладострастного культа, были в белых полупрозрачных одеждах с яркими цветными каймами, и одежды эти держались у них только на одном левом плече, оставляя все руки и правую грудь вовсе открытыми. Но,

впрочем, и всё остальное их тело сквозило из-под лёгкой прозрачной материи и раздражало взгляд молодёжи, рыскавшей среди них на своих панонских конях, украшенных перьями. Когда приближались к ним эти блестящие молодые люди, цветочницы им улыбались и предлагали им купить у них венки и букеты из апельсинных цветов и фиалок и вместе с тем подбрасывали перед ними квитовое яблоко, служившее символом любви. Юноши плескали от восторга руками, и покупали цветы, и старались поймать и разломить брошенное им квитовое яблоко. Цветочницы подвигались вперёд не спеша, останавливались, разбивали наскоро маленькие и очень лёгкие шёлковые шатры, из которых каждый мог укрыть только двух человек. Под этими шатрами оставались на столько времени, сколько нужно было, чтобы съесть вдвоём квитовое яблоко.

Потом маленький шатёр снова свёртывали и клали на спину осла, юноша отъезжал в сторону на своём панонском коне с остриженной гривой, а цветочница присоединялась к своему табору, где подруги её встречали

Так весело шли, подвигаясь к горе Адер, несметные толпы всякого рода жителей Александрии, поспешавшие стать у Канопского гирла Нила накануне дня, за которым должна наступить последняя водная ночь. Эти люди хотели прийти заблаговременно, устроиться табором и пропировать долгий вечер в свежей атмосфере реки и вкусить здесь всё, что им могли предоставить свобода и покров тёмной ночи.

Знатные люди, которым их положение не позволяло смешаться с толпою в этом весёлом кануне, должны были выехать сюда только вечером, чтобы прибыть на заре и прямо занять места на огромном амфитеатре, построенном из брёвен и досок, обитых пёстрыми тканями и коврами. Христиан же предположено было выслать под прикрытием воинов и биченосцев в полдень, так, чтоб они прибыли к горе Адер ранее правителя и знатных особ и не имели возможности устроить какой-нибудь фальши, а равно не имели бы основания и жаловаться на то, что им недостаточно дано времени помолиться.

Глава двадцать первая

По возвращении домой после пира у правителя, где Нефора виделась и говорила с епископом, она бросилась в постель, но, несмотря на поздний час ночи, не могла заснуть: известие о том, что отвергшего её художника Зенона нет в числе христиан, которые должны явиться передвигателями горы и подвергнуться, по всем вероятиям, всеобщему посмеянию, поразило Нефору и отогнало от неё покой. Значит, всё, что она затеяла и устроила для отмщения Зенону, сделано напрасно; Зенона это ничто не коснётся, а причинит тревогу и гибель только другим людям, совсем посторонним, которые лично перед Нефорою ни в чём не виноваты, а художник Зенон останется жить в прежнем покое!.. И Пеох и Бубаста своего достигнут, но Нефора ничего не достигнет — она кругом обманута, и всё через свою собственную необстоятельность. Проклятие! Могла ли она этого ожидать? И что это у них за различия, которых невозможно понять?.. Рабыня-христианка, которая была нянькой Нефоры, много говорила

ей в детстве о своём боге, который распят в Иерусалиме. Нефора любила слушать, как он всех сожалел и всем завещал, чтобы никто не делал другому зла. Нефора плакала вместе с рабыней, когда та говорила, как его выгнали, много раз хотели убить и, наконец-таки, убили. Он был целомудрен и добр и завещал, чтобы все любили друг друга и прощали обиды. Она думала, что в том всё и дело. Кажется, так живёт и Зенон: что тот сказал, этот его завета слушается. То же, о чем говорил епископ, ей совсем ново и непонятно. Это как будто что-то другое, и между тем это портит весь план Нефоры. Зенон ускользает... Завтра последний день. Завтра под вечер надо ехать к Адеру. Нефора отдала уже приказание своему домоправителю изготовить ей колесницы, и её рабыни разостлали на широких коврах роскошный наряд, который будет украшать её на одном из передних мест амфитеатра. Нефора хотела перехитрить всех: и Пеоха, и Дуназа, и Бубасту, и самого правителя. Уверенная в том, что гора не сойдёт с своего места и не пойдёт в воду, она была, несомненно, уверена и в том, что когда вера христиан бу-

дет этим унижена, то раздражённый и отчаянный народ бросится на христиан и станет бросать их в Нил. Пеох и Бубаста дадут к этому знак, и дело будет сделано, а в то самое время, как эти погибнут умиловительной жертвой, Зенон будет спасен, потому что Нефора купила для него тайную охрану и помощь главы биченосцев. Его увезут к ней в её имение, дальше Пелузы, и она его найдёт там. Ведь она его любит, она хочет только унижить его веру, для которой он оскорбил её, отвергнув предложенную ему любовь. У неё никто не отыщет Зенона; она его утаит от всех, он будет её невольник, её раб и... её любовник... Или она будет его томить, терзать, мучить и... Она не знает сама, чем это кончится, но это даст цену всей её жизни... И вот вдруг и совершенно неожиданно после того, что она узнала от епископа, всё это выйдет не так. Напрасно утопят много людей, а Зенон останется с своею особенною верой, которая, по уверению епископа, совсем даже и не то, что их настоящая христианская вера. И эта ошибка непоправима — времени нет... Теперь и природа и люди уснули, и Нефора должна тоже

уснуть, чтобы завтра тело её было бодро и сильно, а лицо её ясно... Она должна скрыть от всех свою досадную ошибку, и... она будет спать. Она обняла рукой любимую кошку, закрыла глаза и перестала обо всём думать. В мыслях Нефору наступила минута бездеятельности и пустоты, но сейчас же опять прорезалось определённое понятие: ей жарко — кошка слишком сильно согрела ей грудь. Нефора отстранила рукой кошку, и из пушистой шерсти зверка сверкнули и тихо щёлкнули две маленькие красные искры. Молодая женщина переложила кошку к своим ногам, и искры снова блеснули. Нефора обернулась лицом к стене и снова старалась заснуть, но в стене под ковром что-то шуршало. Духота увеличивалась; откуда-то доносилось докучное блеяние верблюжонка, и в ответ ему слышались трескучие крики старого верблюда. Не то, так другое постоянно мешало Нефоре заснуть. Едва умолкли верблюды, раздался противный голос павлина. Нефора протянула руку к шёлковому шнуру и отдёргнула занавес; серебряные колокольчики, подшитые на бахrome, мелодически пророкотали и от-

крыли широкое окно с каменной рамой. На небе уже рассветало. Утренний воздух сообщил Нефоре бодрость, и у неё явилась смелая мысль ещё раз попытаться сделать Зенона причастным к тому, что ожидалось. Она позвала служанку, быстро оделась и велела как можно скорее подвести ей к крыльцу осёдланного мула.

Глава двадцать вторая

Когда Нефора вышла и села в седло, было ещё серо и в городе не слышно было никакого движения, только глинистые голуби оправлялись спросонья на пёстрой голубятне и тоскливо ворковали, как будто они были чем-то недовольны.

Нефора покрылась тёмным покрывалом и велела проводнику вести мула по дороге к Мареотидскому озеру, где на берегу, в известной ей местности, жил христианский епископ.

На одном повороте мимо глаз Нефоры что-то мелькнуло, и в то же время проводник на неё оглянулся значительным взглядом.

— Что это? — спросила Нефора.

— Это нильские ласточки.

— Так что же?

— Они поспешают... и держатся близко к земле...

— Что ж это значит?

— Это бывает, когда... Но позволь, госпожа, я слышу большое движение... Позволь переждать здесь минуту... Народ нынче ночью

принёс в жертву чёрного ягнёнка У фаросской пещеры Пеоха и теперь провожает старца... Смотри, вон уже видно — там из-за угла выступает высокий белый верблюд под роскошным ковром, на нём едет тёмный старик — это Пеох. Смотри, как он видимо свят, как изнеможенно его тело. Обрати внимание: лоскуты у его препояся подвязаны тростником и осокой, но и этот утлый пояс на нём не порвётся. Пеох много лет уже не выходил из своей фаросской пещеры и теперь едет, конечно, к Канопскому гирлу, куда удаляется вся Александрия, чтобы смотреть, как суеверные люди, верующие в распятого бога, будут сдвигать гору Адер. Народ ночевал у пещеры Пеоха и теперь сопровождает его толпою: тебя могут обидеть, если ты не повелишь мне остановиться и подождать, чтобы не переходить дороги святому человеку.

— Остановись и пропусти их.

И Нефора видела, как перед нею проследовал на белом верблюде темнолицый, исхудалый, лобастый мемфит, окружённый несметною толпой самой набожной черни. Здесь были люди, которые не искали легкомысленных

увеселений в ранее вышедшем таборе. В этой суровой толпе не было ни назойливых продавцов рыбы, ни весёлых канатных плясунов, ни фокусников, ни красивых цветочниц с их лёгкими ширмами на маленьких осликах. Пеоха провожала фанатическая толпа мрачно глядевших полунагих мужчин и женщин, которые беспрестанно поднимали над своими головами грудных детей, чтобы они могли видеть Пеоха. Через это дети должны исцелиться от боли глаз и от грыж, которыми многие из них страдали от крика.

Нефора видела и изнемождённое тёмное тело нагого мемфита и страшный взгляд его глаз с больными веками и сверкавшими белками.

В этой толпе опять тоже было много собак и кошек, а сзади всех, верхом на старом верблюде, сидела баба Бубаста, перед нею на седле был взвязан ещё живой чёрный баран с вызолоченными рогами, среди которых сверкал привязанный жертвенный нож.

Это было животное для второй, благодарственной жертвы, когда месть совершится у Канопского гирла.

Баба Бубаста узнала Нефору, показала ей рукою на нож и сказала:

— Мсти за себя, а в каменоломне услышат о мщенье Бубасты.

Глядя на бабу Бубасту, всякий мог бы признать справедливое замечание египетского царя Амазиса: «Жены Египта мстивы и смелы: легче иметь дело с раздражённою львицей, чем с обиженной египтянкой».

Глава двадцать третья

Нефора, пропустив шествие, достигла жилища епископа, которое охраняли воины, имевшие приказание от правителя: впускать только тех, кто сам назовёт себя христианином, или же тех, кого доставят сюда под надзором полицейские биченосцы, которым приказано было везде разыскать христиан, чтобы у Адера кружок их не был мал и незаметен. И биченосцы исполняли данное им повеление. Хотя добровольно объявляться христианами никто не приходил, но двор епископский был полон насильно согнанных людей обоего пола, которые страшно сетовали, и плакали, и бранили епископа. Он же сидел, склонив голову, и не только не отвечал на обиды, но даже, казалось, и не замечал, что вокруг него происходит. Лицо его было пасмурно и горько. Он так же, как Нефора, совсем не спал минувшую ночь, и нервы его после сильного возбуждения пришли в состояние притупленности. В таком же приблизительно состоянии были и сидевшие близ него пресвитеры и диаконы, из которых последние беспрестанно

отлучались, чтобы давать людям пищу.

Чтобы пройти на двор епископа, Нефоре оставалось одно средство — назвать себя христианкой, что она и сделала, и воины, сторожившие вход во двор, тотчас же её пропустили, оставив снаружи под деревом её мула и провожатого.

Пробиваясь через толпу людей, теснившихся в неопределённом и раздражённом состоянии на дворе, Нефора видела множество плачущих женщин и детей, и сердце её сжалось; но когда она с усилием достигла в покои епископа и увидела его окаменелое равнодушие, это её даже удивило. Увидев Нефору, он не выразил никакого особенного движения и тотчас же перевёл глаза на другой предмет и стал потирать одну о другую свои старческие руки.

— Я пришла к тебе по важному делу, — заговорила, несколько поспешая и оглядываясь по сторонам, Нефора.

Епископ молчал.

— Я хотела бы сказать тебе что-то наедине.

— Разве ты христианка?

— Да, я христианка.

— Но... мне кажется... я видел тебя вчера на пиру у правителя... Ты была его гостьей.

— Да, ты меня видел. Я там была... я хотела всё знать, что они думают сделать.

— Что же ты хочешь?

— Я страшусь за то, что с вами случится, если вы не сдвинете гору.

Окружавшие епископа пресвитеры, услышав такие сердобольные слова, тихо толкнули друг друга и прошептали:

— Её надо выслушать.

— Говори же при них; они все хотят тебя слушать! — отозвался епископ.

Нефора, увидав, что епископ не избегает присутствующих, и сама не стала таиться и заговорила открыто:

— Я удивляюсь тому, что не вижу между вами человека, который вам мог бы оказать всего более пользы в эту пору.

— Кто же он такой? Вероятно, он не наш или он теперь отрёкся?

— Нет, он предан христианскому учению, и он не таков, чтобы отречься.

— Назови же скорей его имя.

— Художник Зенон.

И едва лишь Нефора произнесла это имя, как все заговорили наперебой:

— Как! знаменитый Зенон — златокузнец!

— Зенон, приятель знатных людей!

— Первый мастер в Египте! Зенон, в котором живёт душа Феодора, скульптора царя Амазиса!

— Зенон, кривой, с повязкой на левом глазу, который он потерял вдруг от неизвестной причины.

— Да, да, да; это он, тот самый Зенон — Зенон златокузнец, которого знает и привечает вся знать, в котором воскресло искусство скульптора царя Амазиса, это Зенон с голубою повязкой на левом глазу, который он утратил вдруг и от никому не известной причины. Он скрывает эту причину...

— Да, да; он не говорит о ней никому!

— Вот в том-то и дело! Он должен её скрывать... А я её знаю! — сказала Нефора.

— Она знает причину, которую от всех скрывает Зенон! Слушайте!

— Это любопытно.

— Но это не идёт теперь к нашему положению и к нашему делу.

— Нет, именно это идёт теперь к вашему делу. Зенон тот человек, который вам нужен... Зенон вас может спасти!

— Что она говорит? Что говорит вам госпожа? — закричали на дворе люди, толпившиеся у веранды, на которой Нефора говорила с епископом и пресвитерами, и многие стали всходить на ступени.

— Не толпитесь сюда, иначе вы всех нас собьёте с места! — закричал один из пресвитеров. — Стойте смирно, и я расскажу вам, в чём дело. Эта госпожа христианка; она пришла сюда к нам сама, без принуждения, и говорит, что знает человека, который может сделать, чтобы гора сдвинулась с места и пошла в воду...

Но едва лишь пресвитер сказал это, послышался гул голосов, и все люди бросились на террасу и закричали:

— Пусть она всем нам говорит!.. Мы не хотим погибать, мы все хотим слышать, что она скажет!

Терраса покрылась людьми, пресвитеры были смяты, а епископ, покинув своё кресло с высокой спинкой, поспешно скрылся в двери

внутренних комнат. Нефора же мгновенно встала на его опустевшее кресло и, взявшись одною рукой за верхнее украшение его спинки, подняла другую свою руку кверху и громко сказала:

— Молчите!

Гул народа утих, и все замолчали.

— Хороша я? — спросила Нефора.

Ей никто ничего не ответил.

— Я не прельщать вас пришла, но хочу рассказывать вам о деле.

— Ты прекрасна!

— Ты прельстишь кого хочешь! — раздались голоса из народа.

— Ты даже можешь заставить забыть страх в виду неминуемой смерти, — произнес голос вблизи самого кресла, на котором стояла Нефора.

— Но всё это бессильно было над тем, кого я назову вам: Зенон художник пренебрёг моею красотой для слов вашего бога... Он оттолкнул меня, и чтобы не видеть моей красоты, которую я ему отдавала, он вонзил при мне нож себе в глаз. Вот отчего окривел ваш великий Зенон златокузнец, вот как сильна

его вера. Зовите скорее его, и если не ложно, что человек с верою может сдвинуть гору, то Зенон сдвинет гору.

— Да, да, кто так твёрд, как Зенон, тот сдвинет гору!.. Где же он, где? Мы призываем Зенона!

Тогда Нефора сказала диакону:

— Напиши поскорее известие Зенону и брось свиток со стены моему рабу, который стоит с осёдланным мулом под деревом по ту сторону запертых ворот. Пусть он спешит к Зенону, не жалея мула, и вы увидите, что, прежде чем придут биченосцы, чтобы гнать вас оцепленными верёвкою к Адеру, Зенон будет здесь и сердца ваши утешатся, а я остаюсь с вами залогом моего обещания.

Всё так и сделалось, как сказала Нефора. Волнение народа было так велико, что ни епископ, ни пресвитеры уже ни во что не вступались, и над всем положением царила Нефора, на которую все хотели смотреть и её слушали. Дьякон нашёл трость и папирус и написал дрожащею рукой: «Зенон! Люди в смертной беде тебя призывают. Приди, облегчи или раздели с ними их участь». Раб Нефо-

ры с этою запиской поехал к Зенону, и все стали ждать: придёт ли художник и будет ли приход его вовремя, прежде чем прибудет отряд биченосцев, которые выгонят их к горе Адер.

Глава двадцать четвёртая

Встревоженные люди беспрестанно меняли своё настроение, переходя от надежды к отчаянию: то они верили, что Зенон придёт и при нём, как при человеке, который хорошо знаком всем знатым людям, суровость правителя изменится; то говорили: «Что может заставить Зенона покинуть спокойную жизнь и отдать себя добровольно нашей печальной судьбе?» Епископ и его приближенные люди тоже считали это совсем невозможным, тем более что они и не считали Зенона за христианина.

— Он, — рассуждали они, — знает, что мы с ним не согласны. Ему нет дела до чуда, которого от нас требуют. Он не пойдёт с нами на муки.

В этих сомнениях прошло довольно времени, и уныние усиливалось, а за час до полудня люди, глядевшие в город со стены, замахали руками и закричали:

— Идут биченосцы!.. — и многие упали в страхе на землю.

Но один человек, который не успел соско-

читать вместе с другими, заметил, что с другой стороны во весь скок нёсся верхом на красно-гнедом коне молодой статный всадник с непокрытою головой, стриженной по греческой моде, и с повязкой через левое око.

— Братья! — воскликнул увидевший всадника человек, — мы спасены: к нам скачет Зенон златокузнец.

И Зенон в самом деле опередил биченосцев, бросил поводья коня, соскочил и вскричал громко страже:

— Откройте двери и впустите меня: я христианин; я хочу быть с теми, которые будут страдать!

Ворота раскрылись, и стража впустила Зенона.

Толпа христиан мгновенно его окружила, и все старались ему наперерыв говорить, а он не мог никому отвечать и шёл между ними спокойно и тихо всем повторял:

— Не бойтесь!.. Христос среди нас... Почтим слова его послушаньем... Умрём за нашего Учителя!

— Умрём, если нужно, умрём! — прокатилось в народе.

Зенон стал обнимать и целовать людей направо и налево.

Нефора смотрела на Зенона с высоты террасы и любовалась спокойствием его походки и движений его рук, которыми он то обнимал, то ласкал людей, бросавшихся к нему со стенаньем и воплями.

Душа этого человека точно не знала страха, и Нефоре казалось, что она видит не мученика, который готовится встретить скоро унижение и смерть, а актера — так всякое движение Зенона было красиво и нежно, а в то же время исполнено достоинства и силы.

Увидев Нефору, Зенон на мгновение остановился. Присутствие её здесь удивило его, но он тотчас же оправился, поднял руку к своему выколотому глазу, поправил повязку и пошёл безостановочно дальше в покои, где был епископ. Там Зенон оставался минуту и, снова выйдя на террасу, сказал:

— Братья и сёстры! если силен и бодр дух, в вас живущий, пусть нас не ведут — пойдём лучше сами. Я известен правителю и сейчас пойду к нему и упрошу его, чтобы он дозволил нам идти к горе Адеру одним, без надзора

его биченосцев.

— Это зачем же? — проговорило несколько голосов.

— Для того, чтобы все видели, что мы идём доброю волей, а не по принуждению.

Люди молчали, но из толпы вышел один шерстобит, по имени Малафей, и, лукаво взглянувши в лицо Зенона, сказал:

— Я тебя понимаю. Иди и проси. Поклянись, что мы пойдём сами.

— Я не знаю, как ты меня понимаешь, но я клясться не стану. Нам не дозволено клясться, но я скажу, что мы не унизим имени Христова.

Тогда все закричали:

— Да, да! прекрасно! Иди, брат наш Зенон, иди и давай за нас слово, что мы не посрадим имени Христова.

— Но только вернёшься ли ты сам к нам? — спросил Малафей шерстобит.

Зенон побледнел и отвечал:

— У меня нет ни жены, ни детей, которых бы я мог вам оставить заложниками; но я не лгу: я — христианин.

— Страх действует на всякого, и было бы

лучше, если бы ты оставил заложника.

— Я остаюсь залогом, что Зенон вернётся! — вскричала Нефора.

Зенон на неё оглянулся и молвил:

— Благодарю тебя. Мне нужен всего только один час времени. Но если случится...

— Если ты через час не вернёшься, пусть они растерзают меня на этом помосте, — досказала Нефора.

Зенон протянул ей руку и пожал её сердечным пожатием.

Стража выпустила Зенона с одним из биченосцев но ещё до истечения часа художник вернулся один, имея в руках папирус, на котором для христиан написан был пропуск к горе без всякого караула.

Биченосцы перед ним раскрыли ворота, и они вышли свободно. Впереди шёл больной епископ, а его под руки поддерживали Зенон и женщина в тёмном покрове.

Это была Нефора.

Пока они шли городом, она не поднимала с головы своего покрывала, и многие спрашивали кто это такая? Христиане же, проходя, отвечали: это новая христианка! Но потом са-

ми себя вопрошали: где и когда эта женщина крестилась? Как её христианское имя? Зенон должен знать о ней всё, но неизвестно и то где принял веру Зенон... Только теперь неудобно было их расспрашивать, так как они идут впереди бодрее всех и на их плечи опирается ослабевший епископ...

Глава двадцать пятая

Меж тем как свободно вышедшие христиане пошли к Адеру, перед вечером из Александрии выступала в том же направлении к Канопскому гирлу третья группа путешественников. Эта опять представляла собою совсем не то, что шумный табор ткачей, и шерстобитов и весёлых зрителей с фокусниками, плясунами и цветочницами, и не то, что представляла собою вышедшая вторая кучка приунывших христиан. Теперешняя группа отличалась важностью: это были знатные лица и их свита.

Впереди всех показались из ворот на канопской дороге египетские и греческие воины, взаимно ненавидевшие друг друга; за ними купцы в однообразных одеждах с пёстрою бахромой. За купцами египетские жрецы в более длинных, но тоже однообразных белых одеждах с драгоценными перевязями, в однообразных же широких шейных украшениях, в повязках и с фальшивыми чёрными локонами ниспадавшими на их шеи и на спины. За длинноволосыми жрецами, также в строгом

порядке, шли другие жрецы, у которых головы были тщательно выбриты. За этими, отступя, шёл старший жрец, у которого сиял на груди сапфирный амулет.

У всех жрецов в руках были длинные серебряные посохи с белыми цветами лотоса в набалдашнике; у старшего жреца посох был золотой и серебряный цветок лотоса окружён был пучком страусовых перьев. От их одежд и париков далеко разносился запах мускуса. За жрецами шли чиновники, а потом факелосцы, биченосцы, расстилатели ковров, жезлоносцы, виночерпии и хлебодары, а за этими следовали на мулах однообразно раскрашенные двухколёски, на которых помещались ярко расцвеченные корзины и бочонки; за хлебодарами выступали в огромных высоких колпаках родовспомогатели и глазные врачи, за ними — одеватели и раздеватели, потом торжественные певцы и народные танцовщицы, более скромные, чем цветочницы, но одетые, впрочем, без лифов, в одних лишь прозрачных и лёгких коротеньких юбках; потом сотрапезники вместе обоего пола в свободных и разнообразных нарядах и с иною

свободой движений, но с однообразием веявшей около них атмосферы мускуса. За этуо чрезвычайно большою вереницей пеших людей следовал сам правитель на прекрасном низейском коне, у которого хвост и грива были подстрижены, а сам конь весь искусно выкрашен голубою краской.

Сам правитель был в красном с золотом широком и длинном плаще, а седло, и узда и поводья его коня все тиснены золотом и с золотою бахромой.

За ним следовала его колесница из чёрного дерева с слоновою костью, с серебряным дышлом и такою же серебряною оковкой колёс. В эту колесницу была впряжена четвёрка вороных коней — прямых и чистокровных потомков коней фараонов. Их сбруя была из золотистого шёлка, а их остриженные гривы и чёлки покрыты тончайшими золотыми сетками работы Зенона. Эта колесница была пуста, потому что она была приготовлена для Нефоры, но Нефоры никто не мог отыскать перед выездом и её внезапное исчезновение смущало правителя и было предметом толков у знати. За пустою колесницей Нефоры следо-

вало множество других, также парадных закрытых колесниц в которых ехали женщины, и потом музыканты и барабанщики, и сзади всех опять в высоких колпаках биченосцы, которые равнодушно щёлкали своими длинными палками направо и налево, где шёл какой-нибудь спор или просто раздавался сколько-нибудь оживлённый говор в толпе, собравшейся посмотреть на шествие знатных.

Глава двадцать шестая

Огромный город теперь казался почти опустевшим. Многие дома совсем были закрыты, в других оставались только больные да слуги, оставленные для присмотра. Огни везде рано погасли, и скоро настала повсеместная тишина. Луна светила над совершенно опустевшими улицами, в созвездии Пса ярко горел Сириус; на круглую площадь между Воротами Солнца и Воротами Луны вышли три звездочёта в длинных жёлтых хитонах. Двое из них были глубокие старцы, а третий немного моложе. Они долго смотрели на небо, где сверкал Сириус, потом на принесённые с собою таблицы, и потом все враз хлопнули ладонями и вытянули вперёд свои руки, как будто бы что-то от себя отстраняли. Так обыкновенно египтяне молились. Затем звездочёты вздохнули, произнесли слово: «поздно» и, подхватив полы своих одежд, пошли быстро к своим домам и крепко закрыли за собой свои двери.

В обширных опустелых палатах правителя отдавало теперь чем-то невыносимо жутким.

Когда оставшийся при доме правителя хлебо-дар, старый раб из Вавилона, вошёл в столовую, чтобы убирать несъеденные гостями кушанья и недопитые вина, ему показалось, что по стенам открытой столовой движутся тени. Или это луна светит нынче совсем необыкновенно.

— Да, — сказал он себе, — что-то неладно на небе. Не это ли самое и служит причиной, что я чувствую тяжесть и ощущаю во рту горький вкус хрена? Или, быть может, это оттого, что я все эти дни очень много хлопотал и сегодня встал очень рано?.. Какие ненавистные люди эти христиане! Для чего, в самом деле, они сбавляют цены на работу и делают тем неприятности нам, серьёзно занятым людям? Впрочем, теперь я могу о них позабыть и попить один на свободе: вино особенно хорошее, цельное вино от Везувия, вкусно, только никогда бы не надобно портить его водою по греческой моде. Хорошее вино должно помогать во всех случаях жизни. Я сяду на место моего господина и буду пробовать хорошие вина из его чаши.

И он не стал портить водою вина по грече-

ской моде, а, усевшись в покойное кресло своего господина, подвинул к себе сосуды с фалернским, хиосским, антильским и кипрским вином и начал лечиться от горького вкуса. Предавшись сравнению достоинства разных вин, он не заметил, как в этом занятии время быстро летело и беспорядок на небе усиливался. Серебристый свет луны всё слабел и вдруг совершенно исчез, и на темя хлебодара, которое было так же голо, как темя его господина, капнула холодная капля. Хлебодар отёр рукой эту каплю и шутливо подумал: «О, Ариман, Ариман[32], для чего ты так сердишься? Не плюй на меня, дай мне насладиться моим положением. И тоже выпусти, пожалуйста, опять луну на небо... Я ещё совершу в твою честь возлияние... Вот и хорошо!..»

Луна, в самом деле, снова светила. Хлебодар это видел, но зато в голове у него стоял звон, а в воздухе что-то шумело. Чтобы поправить своё состояние, хлебодар выпил ещё большой кубок вина, и это его так успокоило, что он склонил голову на руки и, зевнув крепко, уснул сразу. И хорошо ему спалось! Ему снилось весёлое детство, знойное солнце до-

лины Евфрата, Кунакай, путь десяти тысяч греков[33], красивые отроки с открытыми шеями и весёлыми глазками, он бегал с ними, ловил их, но они смеялись над ним и от него убегали, но вдруг их игры увидела его жена египтянка и кинулась на него в неистовом безумии. Властолюбивая и ничем не сдерживаемая, как все египтянки, она совершает над ним что-то ужасное: он чувствует, как она его треплет так, что и земля колеблется под его ногами и стол дрожит под его головою, а кругом всё грохочет, всё полно огня и воды, огонь смешался с водою, и в таком неестественном соединении вместе наполняют открытую комнату, а мокрое небо, как гигантская тряпка, то нависнет, то вздуется, то рвётся, то треплет, хлопая и по нём и по сосудам с вином, и всё разбивает вдребезги, всё швыряет впотьмах — и блюда и кубки, и сопровождает своё неистовство звоном колокольчиков, пришитых к краям сдвижной занавески, и треском лопающейся мокрой шёлковой материи.

К сожалению, всё это не был сон; всё это происходило на деле, хотя не совсем так, как

казалось в опьяневшей голове хлебодара. Страшнейшая гроза и ужаснейший ливень, о каких люди не имеют понятия в Европе и которые составляют редчайшие явления в Египте, разразились над Александрией. Ужасная туча примчалась на крыльях разрушительной бури — молнии реяли во всех направлениях, а в промежутках их не было видно ни зги. Хлебодар не мог различить: была ли теперь ночь или утро; вода лилась потоком, было темно, и ветер хлестал по всей комнате сорванною с прутьев потолочною занавесой. На плитах пола бушевала вода по колено, и в ней плавали подушки с сидений и разная домашняя утварь. Под мокрою занавесой можно было задохнуться. Хлебодар взвыл отчаянным голосом и бросился искать спасения под крытым порталом.

Здесь он спрятался за колонны и замер, снова утратив сознание от страха.

Недаром, значит, вчера в пьяных глазах Дуназа исчезала луна, недаром капнула капля воды на голову пировавшего правителя; недаром беспокойно перекликались ночью верблюды, мешавшие спать спокойно Нефо-

ре; не без причины её проводник обратил внимание на низко летевших нильских ласточек. Все они чувствовали приближение могущественного явления, которого не ожидали люди и которое звездочёты отметили «поздно» и поспешили запереть свои двери.

Когда пронёсся ужасный ураган и ливень стал утихать, хлебодар очнулся, вышел на двор и стал, прислонясь на колеблющихся ногах к стене, и так оставался долгое время, глядя вокруг помутившимися глазами и оттопырив вперёд толстые губы.

Ничего он не узнавал из того, что привык видеть, выходя по утрам обозревать домовитый двор своего именитого господина: всегда обыкновенно стройное хозяйство представляло теперь полный хаос. На дворе плавали скамьи, двери, запасные колесницы и разная рухлядь, а также забитые дождём и утонувшие куры и павлины, и в числе этих разных плавающих мёртвых птиц хлебодар заметил тоже утонувшего письмоносного голубя.

Хлебодар по вдохновению почувствовал что-то недоброе: он сейчас же спустился по колёно в воду, взял птицу в руки, отыскал у

неё под шейкою слюдяную трубку, и, достав из неё крошечную полоску папируса, прочитал её и, закричав благим матом, кинулся бежать к домику, где было его жилище.

Здесь он нашёл помощь у своей жены, которая с перепуга и радости, что видит мужа живого, изо всей силы ударила его по голове и, вырвав из его рук слюдяную цидулку, прочла в ней очень короткое, но роковое известие: «Суда разбиты в виду Лохиаса».

Теперь и жена оттопырила губы точно так же, как муж, и точно так же, как он, села против него на скамейку, и оба шептали друг другу:

— Что теперь будет?

Наконец на хлебодара нашло осенение, он встал, приложил ко лбу палец и, подумав, ответил:

— Я не знаю, что будет, но я догадался, что это было!

— А что именно было? — спросила жена.

— Было то, что христиане сдвинули гору!

— Ты, верно, до сих пор ещё пьян?

— Да. Ты в этом совершенно так же не ошибаешься, как я не ошибаюсь в том, что

они сдвинули гору.

Глава двадцать седьмая

Толпы народа, выступившие раньше, чем вышел великолепный двор правителя, пришли к назначенной горе не одновременно и расположились различно. Весёлая толпа, имевшая среди себя цветочниц, музыкантов, продавцов рыбы и фокусников, пришла не первая. Её опередили люди, приплывшие сюда на судах, которые стояли уже на реке в виду горы Адер. Богатые люди, приплывшие на ярко раскрашенных судах, с крокодилами на носках и под парусами пурпурного и голубого цвета, разместились в амфитеатре; а бедные люди, приплывшие на толстодонных ладьях под парусами из серого или коричневого полотна, расположились прямо на земле. Это был огромный чернорабочий лагерь, в стороне от обитых коврами деревянных скамей и навесов, устроенных для ожидаемой большой публики. Чернь и гуляки, которые дошли сюда табором, не искали сближения со знатью. Они находили в самих себе довольно всего, что нужно было для их забавы и радости. Табор их теперь представлял чрезвычайно

большое оживление: здесь пылали костры, кипели котлы с рыбой, пили вино и плясали; фокусники лили из одного сосуда воду и кровь, пускали из рукава лебедей, а когда народ слишком надвигал на них и стеснял их арену, они бросали на землю вишневые жезлы, собранные из мелких штучек, искусно наанизанных на тонкую струну, и когда брали эти жезлы искусною рукой за конец, то жезлы изгибались и вертелись, как змеи. Народ разбежался с криком и хохотом. Два или три эфиопа из «дрянного народа Куш» водили красивых и проворных верблюдов из породы «мегари» и заставляли их танцевать. На тех, кто не умел оценить искусства верблюдов, эти учёные животные умели плюнуть, и это тоже возбуждало всеобщий хохот. Но танцы мегари больше всего привлекали только детей и женщин. Мужчины всякого возраста наперебой рвались к палаткам цветочниц. В широко раскинувшемся таборе слышались самые разнообразные музыкальные звуки: здесь гудели сильные мидийские трубы, там раздавалась нежная фригийская флейта; в третьем месте бряцали иудейские кимвалы и

рокотали арфы, можно было отличать также звуки пафлагонских тамбуринов, сирийских бубнов, индийских раковин и арийских барабанов. Среди пришлых горожан ходили крестьяне из ближних мест: эти были одеты в неподпоясанные длинные рубашки и носили в кувшинах на продажу свежую воду. Появились так же, как на ристалище, закладчики: они тихо разъезжали на старых ослах с мешками монет и с таблицами, на которых спорщики, державшие пари за ту или за другую сторону, записывали предлагаемые заклады. Между закладчиками были эллины, персы и евреи; все они были совершенно равнодушны к тому, что случится, и предлагали идти об заклад и за то, что гора двинется, и за то, что она не двинется. Записывали и другие заклады, за то, например, разрешит ли правитель избить всех христиан, когда гора не пойдёт, или он велит бросить в Нил только одного из них — самого главного, а остальных всех пошлёт с приговорами за поясами в гранитные каменоломни Ассуна. Одни держали заклады за одно, а другие — за другое. Портовый международный город выдвинул весь свой пёст-

рый сброд, и всё это, вместе с сверканием огней, конским ржанием и с криками разгулявшегося на просторе народа производило опьяняющее впечатление. Всё это поднималось и рдело, как воспалённый нарыв, которому нужно где-то прорваться. Ночь улетала в диком разгуле; многие, упившись вином, спали у догоравших костров, другие ещё не спали, но и не замечали, как на небе несколько раз скралась луна. Надо было ещё что-нибудь, чтобы совсем отвести глаза в тёмный угол. И вот это случилось. Под шёлковой палаткой одной из цветочниц послышался раздирающий вопль, и вслед за тем что-то тяжёлое рухнуло между палаток. Это один человек могучею рукой убил другого и выбросил на землю его мёртвое тело. Послышался крик: «Убивают элины!» — другим показалось, будто «убивают элинов». Мгновенно призывные крики покрыли все музыкальные звуки, сверкнули ножи, люди бросились друг на друга, биченосцы спросонья напрасно старались восстановить покой и порядок. Беспощадно убиваемые люди падали под ударами элинских ножей и ещё больше под ударами тупых

египетских кольев. И всё это произошло в густой тьме, при сильном шуме налетевшей внезапно бури и при ужасном, необыкновенном треске, который раздался с реки, где стояли прибывшие плоскодонные суда с ибисовыми носами и длинными рыбьими хвостами вместо кормы. Страшный ветер развёл большое волнение, и суда взметались, ударяясь одно о другое: их ибисовые носы и рыбьи хвосты ломались, а высокие мачты, качаясь, махали неубранными парусами как сражающиеся великаны. Наконец зареяли молоньи, загремел гром и ударил ливень, как будто целый океан упал с неба на землю. С гор помчались сокрушительные потоки, в долинах всё обхватило и залило водою.

Пеох и его изуверы которые обошли общее место и удалились в ров, где хотели быть скрыты до времени, когда христиане примут тот срам, для которого Пеох научил их вывести, подверглись самой большой опасности. Их чёрный ягненок с жертвенным ножом между рогами был у них отнят мутными волнами, и самим им угрожала смерть в тех же волнах, хлынувших со всей горы Адер.

Знатные путники ещё не достигли горы, когда разразилась буря. Ливень застал их на открытом поле, где они были облиты и лежали в воде, не чая конца наводнению.

В положении христиан было нечто гораздо более сложное.

Глава двадцать восьмая

Отряд христиан шёл, так сказать, истаивая. От самых Канопских ворот, через которые они вышли из города, число следующих за епископом всё уменьшалось, а число отстающих увеличивалось. Одни падали на землю и говорили, что не могут дальше идти от болей в ногах или от рези в желудке, а другие просто садились и плакали. Не было никакой возможности заставить их идти далее. Шерстобит Малафей подал мнение, чтобы для страха другим пришибить притворщиков камнем, но Зенон за них заступался и говорил, что никого не надо неволить. Он говорил, что дело не во множестве людей, а в силе духа, который движет ими, приводил в пример, как Гедеон оставил всех пивших пригоршнями[34], а взял с собой только одних лавших воду по-пёсьи.

Тогда Малафей шерстобит повернулся и пошёл назад, а с ним вместе то же самое сделали и другие, незадолго перед этим стремившиеся побивать камнями тех, которые, ослабевавшая от страха, отставали ранее. В числе воз-

вратившихся с Малафеем были также некоторые пресвитеры. Остальные же христиане в небольшом числе шли целый день и к ночи достигли Канопского гирла. Тут и стоит гора Адер. Она с одной стороны возвышается холмистым плоскогорьем, а с другой, обращённой к реке, у неё крутой гребень, выступы, рвы и обрывы. Точно как будто она когда-то уже ползла в реку, но остановилась. С пологой стороны она покрыта редкой порослью по супеску, а сторона, обращённая к реке, вся совершенно безжизненна. Здесь пластами лежат плитняк, глина, мелкий кремень и чёрная галька, а местами есть также прослойки и других землистых пород, то тёмные, то иссера-жёлтые, то совсем беловатые. Местами изнутри выпирает крошистый камень, а местами будто как рёбра рядами наставились гранитные глыбы. Их основания утонули в тёмно-красной глине, а верхи их присыпаны песком и в щелы распавшимся камнем. Здесь, без сомнения, когда-то происходило какое-то сильное передвижение веществ — всё куда-то ползло и остановилось.

Когда христиане пришли, Зенон спросил

епископа, что он посоветует делать, — но епископ ему отвечал:

— Ага! Какой ты почтительный, Зенон! ты обращаешься ко мне как к пастырю. Жалко, что я избегал тебя ранее, но теперь я сам, сын мой, похож на овцу, и вдобавок ещё на такую, которую посередине зимы взяли и остригли. Одни меня оставили, а другие кое-как ещё идут с нами, но совсем не за мною, а за тобою. Я дрожу от изнеможения и ужаса; в груди моей холод, а голова моя горит, как у пекаря, который стоит перед печкой. Что ты меня спрашиваешь?.. Я так слаб, что ребёнок может меня свалить с ног... Ты считай так, что я уже умер, и делай что знаешь, и если окажутся люди, которые захотят тебя слушать, то пусть они тебя и слушают, а я буду как мёртвый.

— Ты позабудь обо мне и ради этих унылых людей дай им скорей вразумление, как укрепить себя в духе и что начать делать. Иначе ты можешь увидеть, что и они разбегутся.

Но епископ ответил:

— Ты напрасно меня пугаешь тем, что я могу увидеть. Я уже умер. Малафей шерсто-

бит мне шептал, что я мог увидеть тебя мёртвым, но я не такой — я не захотел это видеть и теперь всего охотнее закрою мои глаза, чтобы совсем ничего не видеть. Я уже умер я отойду в сторону и буду молиться.

Три оставшиеся пресвитера хотели подражать епископу: они тоже чувствовали себя умершими и намеревались удалиться для молитвы, но народ окружил их и в смятении требовал, чтобы они молились при всех и научили бы всех остальных, как лучше молиться, чтобы гора непременно сдвинулась и пошла, а если она не пойдёт, так чтобы были налицо виноватые. Тут и пошли разномыслы и споры: одни люди говорили, что всего лучше стоять распростерши руки в воздухе, изображая собою распятых, а другие утверждали, что лучше всего петь молитвенные слова нараспев и стоять по греческой, языческой привычке, воздев руки кверху, в готовности принять с неба просимую милость. Но и тут опять нашлись несогласия: были такие, которым казалось, что надо воздевать вверх обе ладони, а другим казалось, что вверх надо воздевать только одну правую ладонь, а ле-

вую надо преклонять вниз, к земле в знак того, что полученное с небес в правую руку будет передано земле левою; но иным память изменяла или они были нехорошо научены, и эти вводили совсем противное и настаивали, что правую руку надо преклонять к земле, а левую — воздевать к небу. Увидав, что в такую роковую минуту людьми овладел беспокойный и неразрешимый спор, Зенон поспешил поскорее к епископу в ту сторону, куда тот отдалился, и хотел просить его разрешить все недоумения, но ночь была темна, и он не нашёл молившегося в темноте епископа, а когда шёл назад, то спорившие и ссорившиеся люди окружили его и стали кричать:

— Ну, если ты свят, то скажи нам, как надо молиться.

— Кто вам сказал, что я свят? Я вовсе не свят, и даже, наоборот, я очень грешен.

— Нет, мы тебе в этом не верим: ты себе выколол глаз, и теперь ты один среди всех здесь спокоен. Ты не пугаешься смерти. Скажи-ка нам, как молиться? Если нужно враспев, то мы все станем петь, а если говором выговаривать, то будем говором читать мо-

литвы. Говори скорее, ждать некогда, мало уж времени осталось, чтоб молиться.

Тогда Зенон, не желая ничем прибавлять розни, коротко ответил ближе стоявшим, что он имеет обычай молиться в благоговейном молчании, но не осуждает и тех, которые любят поднимать к небу и глаза и руки, нужно только, чтобы руки молящихся были чисты от корысти, а душа — свободна от всякого зла и возносилась бы к небу с мыслью о вечности. Тогда в ней исчезает страх за утрату кратковременной земной жизни и... гора начинает двигаться...

— Вот нам теперь это и надо, чтобы не было страха, пока гора двинется с места.

Сам же Зенон тихо отделился от толпы и, скрываемый темнотою египетской ночи, пошёл к вершине горы.

Отойдя так далеко, как можно сильною рукой два раза перебросить швырковый камень, он сел на землю и, обняв руками колена, стал призывать в свою душу необходимое в решительную минуту спокойствие. Он вспоминал Христа, Петра, Стефана и своего учителя, как они проводили свои предсмертные

минуты, и укреплял себя в решимости завтра ранее всех взойти одному на гребень горы, призвать мужество в душу свою, стать на виду собравшегося народа и ожидать, что будет.

«Пусть меня поразит стрела, — подумал Зенон, — и, может быть, тогда им довольно будет моей смерти, и другие будут свободны, а я буду счастлив; я совершу своё дело».

От того места, где сидел теперь Зенон, до самого верха горы, откуда был виден табор, амфитеатр и река Нил, осталось тоже не больше, как два переброса.

Оттуда доносился до слуха его звук музыкальных инструментов, и трещоток, и пиршественные нетрезвые клики, а с другой стороны, оттуда, где остались христиане, ветерок наносил греческий напев молитв, которые тянули пресвитеры.

Вдруг Зенон, погруженный в глубокую думу, вздрогнул от неожиданного прикосновения нежной руки к его волосам.

Глава двадцать девятая

Зенон поднял голову и увидел возле себя Нефору.

— Что тебе опять от меня нужно? — спросил её Зенон.

— Раньше мне нужна была твоя любовь, а с той поры, когда ты отверг меня, мне стала нужна твоя гибель.

— Да простит тебе небо злое желание; но если тебе нужна была моя гибель, для чего ты губишь не меня одного, а такое множество других людей?

— Я ненавижу всех людей твоей веры: я хочу, чтобы все вы сразу были осмеяны в том, во что вы верите, и это уже достигнуто.

— Может быть, ты ещё ошибёшься.

— Ну, оставь вздор! Разве все самые лучшие люди ваши не сомневаются; разве они не разбежались, а остальные не ищут возможности скрыться? И ты сам теперь отдалился разве не с тою же целью, чтобы скрыться от прочих и спасти свою жизнь? Я тебя понимаю — ты должен сильно страдать, видя свою ошибку и слабость своих единоверцев, и я рада,

что дождалась этого и могу спасти тебя: следуй скорее за мною. Я приготовила всё, чтобы спасти тебя от позора и смерти.

— А тебе разве известно, что нас непременно ждёт смерть и позор?

— Без сомнения! — отвечала Нефора, — ведь гора не пойдёт с своего места и не загорит Нила, чтобы поднять его воды, а разгневанный народ побьёт вас камнями или побросает в реку. Бежим, следуй за мною: любовь моя скроет тебя и будет твоим утешением!

И она сильно тянула за руку Зенона.

— Я не намерен бежать! — ответил Зенон, отстраняя руку Нефоры.

Она остановилась.

— Что же ты хочешь делать?

— Я исполню мой долг и умру, если нужно.

Нефора опустилась и села возле него на землю и проговорила:

— Тогда и я здесь останусь с тобою.

— Для чего?

— Для того, что я люблю тебя, — жизнь без тебя мне несносна. Знай: я в отчаянии обещаю правителю выйти замуж за его сына, а

между тем я не в силах исполнить это обещание. Умереть с тобою мне отраднее, чем жить с ненавистным Дуназом. Пусть берут моё богатство, но себя я не отдам и умру вместе с тобою.

Зенон взял её руку и тихо сказал:

— Я должен бы благодарить тебя за такие чувства; но если ты любишь меня, то я стану просить тебя сделать другое.

— Говори, я всё для тебя сделаю!

В голосе Нефору стали слышаться слёзы.

— Если небу угодно, чтобы через час мы погибли, то умоляю тебя, не губи себя вместе со мною и не выходи замуж за человека, в котором нет ни рассудка, ни доброго сердца. Сделай другое.

— Что же я должна сделать?

После нас останется много сирот и старцев, которых пошлют в цепях в каменоломни, — останься жить и живи долго для них. Подай мне эту милостыню... обещай мне это, Нефору, и я счастливо умру, передав тебе любовь мою к страдающим людям!

При слове «любовь» Нефору вздрогнула и прошептала:

— Повтори.

— Что?

— Ещё раз повтори это слово. О Зенон! Если б ты знал, как для меня сильно слово «любовь»!

— Конечно, я это знаю, Нефора. Любовь обнимает всех в одном сердце.

— Отчего же ты не любил меня, Зенон?

— Я не мог принять той любви, которая принуждала меня пренебречь послушанием к словам моего учителя и забыть его просьбы для удовольствий плоти, но теперь, когда ты не та, какую была, а иная, когда ты укрепляешь, а не расслабляешь дух мой и обещаешь отдать себя делам любви, — теперь я люблю тебя, сострадательная Нефора.

Нефора схватила обеими руками руки Зенона и вскричала:

— Ты взял моё сердце... Я сделаю всё, чего ты желаешь, я стану жить с тобой для добра, но лучше всего... всё-таки бежим отсюда: в толпе есть люди, которые нас укроют, мы уйдём, и я буду твоею рабой.

— Рабой? Для чего же, Нефора? Ты теперь любишь людей без различия их породы и ве-

ры; ты готова служить им, ты одного со мной духа, ты сестра мне, мой друг... Если хочешь, будь моя невеста... Я счастлив, я не боюсь ничего и умру, благословляя тебя за то, что ты восхитила меня твоим чудным порывом, но я не побегу, я не скроюсь от тех, кто несчастлив, и... я скажу тебе больше: я не дам унижить насмешкой его... того, кого я зову моим учителем и моим господином... Довольно его унижали! Если я даже останусь один — что, быть может, случится, — я один взойду на гребень горы: пусть видят, что кто его любит, тот ему верит.

— Но для чего это нужно?

— Это нужно для счастья людей, потому что в учении его сокрыт путь ко всеобщему счастью, но чтобы идти этим путем... надо верить, Нефора, — надо сдвинуть в жизни что тяжелее и крепче горы, и для того надо быть готовым на всё, не считая, сколько нас: один или много.

— Ты не будешь один, — отвечала Нефора, и в её голосе почувствовалось волнение и слёзы.

Зенон опять взял её за руку и сказал ей:

— Но отчего ты смутна, и зачем грусть в твоём голосе?

— Я боюсь отвечать тебе правду.

— Не бойся, ответь.

— Он... этот твой учитель стал и стоит между мною и тобою... Ты его любишь больше меня... Он меня от тебя отстраняет...

Зенон покачал головою.

— Нет, Нефора, — сказал он, — тот, кого я люблю, тот, кто мог быть знатен и предпочел быть нищим, мог уничтожить своих врагов, и вместо того молился за них, — он никого не разлучает, — он соединит нас и научит любви, возвышающей душу и сердце!

— Я не хочу такой любви.

— Отчего?

— Она никогда не может удовлетворить сердце женщины.

— Ты ошибаешься. Слушай меня терпеливо. Мы с тобою в земле фараонов. Ночь сокрывает от нас места, на которые я мог бы тебе указать и сказать: там город Он, там пирамиды Гизеха, которые видели Юзуф и Зулейка.

[*]

Зулейка любила Юзуфа мятежною страстью, такую же, какой ты дала над собою волю однажды. Она не боялась уронить себя и своего мужа этою любовью. Юзуф был прекрасен. Он был, конечно, красивей меня. Об этом дошла до нас их чудесная повесть. Когда знатные женщины укоряли Зулейку за то, что она любит Юзуфа, она дала этим женщинам по ножу и по апельсину, и когда они стали чистить свои апельсины, Зулейка кликнула своего «раба». Юзуф вошёл, и все женщины обрезали себе руки и уронили свои апельсины... Но Юзуф тогда не любил прекрасную Зулейку, и его не влекло к ней потому, что Юзуф не любил лжи и обмана. Зулейка отомстила ему и погубила его. Ему это стоило более глаза. Юзуфа сокрыла темница, а Зулейка стала томиться и плакать, и когда умер её муж, она бросила дом свой и жила в шалаше, оплакивая свою жестокость и повторяя имя Юзуфа... И когда об этом услышал Юзуф, тогда согрелось сердце его и он пришёл к Зулейке в её тростниковый шалаш и сказал: «Ты добра, голубица моя, и будь мне женой». Неужто такая любовь, по-твоему, хуже угарного чада туман-

нящей страсти, которая быстро пройдет и оставит одно сожаление? Любовь же того, кто может сказать: «всем ты добра, моя голубица», — обещает разумную жизнь, а не пыл... Суди же, что лучше? Вот и ты теперь... кротка и добра... ты не мятёшься о том, чтобы всех превзойти на собрании убором; ты меня слушаешь тихо и, может быть... скажешь: «Друг мой, Зенон! я в себе чувствую новое сердце. Будь силен и ничем не смущайся. Пусть будет что будет: иди, куда тебя повлекут — на смерть или в каменоломни, — Нефора твой друг: она останется жить, она будет матерью всех несчастных сирот, которых оставят погубленные христиане»...

— Оставь! о, оставь! я всё это сделаю, и всё для тебя.

— Нет, для того, кого я люблю больше себя и кому я хочу быть послушен во всем, что мне ясно и что непонятно.

— Пусть будет и так! Твой друг я и раба твоего господина!

Зенон привстал, тихо поцеловал Нефору в голову и сказал:

— Теперь всё совершилось, гора тронулась

с места.

— Да, — отвечала Нефора, — и мне показалось, что земля под ногами как будто качнулась...

— Ты очень устала, нам время расстаться. Рассвет должен быть близко. Серееет, и я замечаю вдали крестьянина в спаржевом поле. Прощай, друг мой Нефора, — возвратись скорей в город и обо мне не заботься: я делаю то, что я должен делать; я не боюсь каменоломен: я художник, и меня не заставят катать гранит, а я буду выделывать гаторовы головы [35]... и я буду счастлив там, далеко в изгнании, я буду вспоминать о тебе и буду радоваться, что ты стала не та, какою была, что ты любишь людей и живёшь для того, чтобы делать добро людям. ещё раз прощай и не следуй за мною... Но что это такое?.. Теперь вдруг и мне показалось, что вправду земля под ногами вогнулась и опять поднялась!

— Да, да! трясётся земля!

— И я слышу гул... что-то трещит в глубине под горою... И когда собрались эти тучи! Огонь и вода падают с неба!..

Это была гроза — столь редкое явление под

безоблачным небом Египта, что Нефора её даже не могла представить, но Зенон читал Страбона[36] и сейчас же узнал это явление и вспомнил, как оно при своей редкости в Египте бывает сильно и страшно. Да и размышлять ни о чём не оставалось времени, потому что на них полил такой сплошной ливень, под которым только и осталось скорее упасть ниц. Вода лилась не каплями и не ручьями, а цельным, сплошным потоком, молнии реяли, гром грохотал, и земля содрогалась, пухла и вновь вздымалась и гудела.

Кричавший верблюд, и ночные капли в доме правителя, и танцевавший на берегу чёрный ибис — все оправдали свои приметы: над землей Мицраима повторилась гроза и ливень Страбона...

Зенон, поверженный ниц, помышлял только о том: если таково здесь на горе, что нельзя встать и нельзя сделать шага, то что же теперь должно происходить в долинах, куда должны устремиться сбегаящие с гор воды!..

Глава тридцатая

Более часа водный океан из воздуха переливался страшным потоком на землю; но едва стало тише, Зенон встал, поднял под локти бесчувственную Нефору, прислонил её к камню и сам бросился на гребень горы. Он опасался, чтобы не опоздать и не прийти последним туда, где всем было должно собраться; но когда он взбежал, то увидал, что никого из христиан ещё не было, а сам он не узнал внизу знакомой картины: земля вся исчезла, а Нил был необъятен, как безбрежное море. По мутным волнам неслись опрокинутые челноки, плыли хижины и целые пальмы, вывороченные с корнями, а у самой подошвы горы множество человеческих существ боролись и лезли один на плечи другого, как раки в глиняном горшке...

Зенон упал на колени и вскрикнул:

— Небесный отец! пощади всех живущих. Ты дал им понять, что тебе всё возможно, низведи же в сердца их любовь к другим людям!

И когда он молился, он почувствовал, что

гора взбухла, как губка, кремнистые рёбра её впадали, а мягкая осыпь выпячивалась, и покрывавшие её плиты лопались и крошились... И вдруг всё всколебалось, оскретки мелких камней брызнули, как из пращи, и сыпучие оползни сунулись и поползли вниз целыми пластами.

— Зенон, гора движется! — услышал Зенон у себя за плечами, и на руки его с высоты упала Нефора.

Зенон оглянулся и увидел, что огромный отломок горы, на котором стоял он, отделился и летит по скользкому склону в воду.

— Будь твоя воля над нами! — прошептал Зенон и прижал к своей груди сомлевшую Нефору.

И глыба с обоими с ними катилась, а из волн и из расщелин горы люди кричали:

— Гора идёт!.. Гора идёт!! Велик бог христианский! Сдвинул гору художник Зенон златокузнец!

Глава тридцать первая

Как только ударил гром и полил страшный кливень, все расположившиеся у горы люди, чувства которых не были совсем омрачены пьянством, мгновенно вскочили и бросились бежать в обход горы и здесь на её тыловой стороне встретили кучку христиан, мимо которых потоки сбегали обширным рвом. Правитель убежал впереди всех, несясь вскачь на своей колеснице, в которую был впряжен один конь его, а другой неизвестно чей. У одной из расщелин он увидел вылезавшего из оврага Пеоха и закричал ему:

— Ты видишь — гора идёт!

— Вижу, — мрачно ответил Пеох.

— Говори же скорее: как в христианском учении сказано, что надо сделать, чтобы остановить гору?

— Увы, в их учении сказано только, как «сдвинуть гору», но ничего не сказано, как её остановить.

— Зачем же ты этого не сказал нам ранее?

Все подхватили слово правителя и закричали:

Пеох засверкал воспалёнными глазами и поднял руку, чтобы швырнуть в оскорбителей свою палкой, но в то же мгновение покатился к ногам правителя, поражённый ударом кола в затылок...

Правитель испугался и погнал скорее своих разномастных коней к христианскому стану и закричал им:

— Друзья мои! молитесь, чтобы гора стала!

Христиане же были в растерянности и, оставаясь до сих пор с другой стороны горы, противоположной той, где появились Зенон и Нефора, не видали ничего того, что произошло у обрывов, и отвечали:

— Ах, господин, для чего ты к нам всё придираешься? Мы ещё не совсем согласились, как молиться, чтобы гора двинулась, а ты уже требуешь новое, чтобы мы остановили гору.

Правитель махнул на них рукою и поехал далее, сказав им:

— Гора уже идёт, бегите скорее вверх, и вы увидите оттуда, что совершилось.

Тогда все христиане устремились на верх горы, откуда раньше спустились Зенон и Нефора, и увидели удивительную и совер-

шенно новую картину, вовсе не ту, которую видел правитель, а иную: гора с водой встретились... глинистый оползень, на котором спустились Зенон и Нефора, стал над самую поверхность воды... К ним подплыла барка с шёлковым парусом, на которой стоял персианин, служитель Зенона. Он взял в барку Зенона и Нефору, и барка снова отплыла. Поверхность воды более уже не бурлила, а была спокойна и гладка. Кроме барки Зенона, по реке плавали голубые и белые цветы лотоса, а над водою, ближе к берегам, носились стаи птиц, чайки и морские вороны и жадно выхватывали во множестве нагнанных рыб; ближе к берегам плыли и толкались золотые шары огромнейших дынь... и вдруг все сразу заметили продолговатый плёс, в середине которого казалось что-то похожее на ивовое бревно в кожуре... Крокодил!..

Появление крокодила было верною приметой, что Нил полон, крокодил всегда приходил вестником от болот Филэ и Сиуна.

И действительно, навстречу правителю скакал из города вестник с письмом, которое ещё до грозы принёс голубь из Мемфиса: Нил

разлился, и жители Фив уже вышли на кровли.

Оставалось веселиться и радоваться: урожай обеспечен, и вина христиан была позабыта на время. Стан весь снимался. Слуги в топкой грязи, как могли, ловили и запрягали коней и седлали ослов и верблюдов. Все перемокшие и измученные люди при взошедшем ярком солнце ободрились и стали снова шутить и смеяться и потянулись к городу...

Все остатки погибших шатров, и людей, и животных убирал Нил... Зенона и Нефоры здесь уже не было, и о них не вспоминал и не справлялся никто. Все спешили домой... Христиане были успокоены и, к довершению радости, по возвращении в Александрию нашли своего патриарха, который ещё ранее их успел возвратиться в свои палаты. Правитель захотел его увидеть и послал за ним колесницу, но патриарх отвечал:

— Колесница так же удобно может доставить ко мне правителя, как и меня к нему, а дорога от меня до него так же длинна, как от него до меня. Пусть он придёт ко мне, если хочет.

Глава тридцать вторая

— Извини меня, я не был уверен, что твоя святость уже дома.

— Наше смирение всегда близко и всегда далеко от того, кто чего заслуживает, — ответил патриарх.

— Знает, конечно, твоя святость, какой всё приняло оборот? Вера ваша теперь здесь у всех в почтении.

— Воскрес Бог, и враги Его тают.

— Да, коварный Пеох убит тупым колом от руки своих же единоверцев, бабу Бубасту задушили.

Патриарх промолчал: его слова не стоила баба Бубаста, но правитель о ней продолжал, что ей забили рот и нос глиною и что теперь много разноверных людей просят к сдвинувшим гору.

— Я этого ожидал, — сказал патриарх.

— А я не ожидал этого и сознаюсь со стыдом, что я очень ошибся.

Патриарх улыбнулся и тихо заметил:

— Что делать? и Гомер ошибался.

— Да, я ошибся, и теперь прошу твою свя-

тость — давай помиримся: мы можем быть очень полезны друг другу.

— Ну, мне кажется, что нашему смирению теперь уже никто не нужен.

— А пусть твое всеблаженство вспомнит, что и Гомер ошибался.

Патриарх это вспомнил.

И они остались вдвоём изрядное время, беседуя без аколуфов и опахальщиков.

В этот же день к пресвитерам приходило много людей, желавших креститься, и епископ не знал, как ему поступить: ждать ли, когда их, по обыкновенному порядку, наставят катехизаторы[37], или, в виду необыкновенных обстоятельств, крестить, нимало не медля, всех, кто пожелает.

— В этом я предоставляю тебе избирать то, что полезнее, — отвечал патриарх.

Народ толпами шёл к пресвитерам, прося их крестить. Крепкие же суеверы, настоящие «Рем-ен-Кеми», смотрели на это сумрачно и тихо шептали друг другу, что «это должно быть... Распятый бог победит всех богов Кеми [*], и имя пророка Палестины пронесётся по волнам священного Яро[*]... Это слышали

ПТИЦЫ, КОТОРЫЕ НОЧУЮТ В ГНЁЗДАХ УСТРОЕННЫХ
ИМИ.»

Глава тридцать третья

Ошибся в своих расчётах и толстый Дуназ. Нефора изменила своё решение и не пошла за него замуж, да она и не была ему больше желанна, потому что богатство её истощилось: она отпустила всех своих рабов на волю, и всё своё состояние, которое было нужно Дуназу, она раздала тем, которые обедняли и не могли содержать свои семьи. Дуназ стал искать другую невесту с большим состоянием и нашёл её. Нефора же жила в скромной доле, благотворя бедным и учреждая школы для детей, где их учили полезным наукам и ремёслам. Слух о поступках её скоро достиг до Зенона, и тогда художник снова пришёл к ней и сказал:

— С тобою мир божий, который превышает всего: ты возлюбила добро; зачем нам быть розно? Иди в дом мой, И будем вместе жить для пользы тех, кому можем оказать помощь. Будь женою моей, Нефора!

И это так сделалось. Зенон и Нефора стали супругами и жили долго и были людям полезны и богу любезны. Зенон по-прежнему зани-

мался своим художеством и никогда не порицал ничьей веры и своею верою не возносился. Однажды, когда он был призван для некоторых работ в патриархию, — патриарх, сделав ему заказы, спросил его:

— Кем ты, Зенон, наставлен и утверждён в твоей вере?

— Я в ней ещё совсем не наставлен, — ответил Зенон.

— Как это так?

— Она мне открывается мало-помалу и не всегда во мне равномерна: порою она едва брезжит — как мерцание рассвета, а порою ярко горит и тогда всё мне осветит.

— Значит, ты слаб ещё в вере.

— О, весьма слаб.

— Что же ты не стараешься сделать её постоянно крепкою?

Зенон задумался.

— Скажи: о чём ты думаешь? — спросил его патриарх.

— Я вспомнил слова Амазиса: тетива на луке слаба, пока на неё не наложат стрелу и рукой её не натянут. Когда же нужно, чтобы она напряглась, она напряжётся и сильно

ударит; но если её постоянно тянуть и держать в напряжении, она истончается, и сила её ослабевает. Я боюсь, чтобы мне не утратить и то, что хоть порою мне даётся от неба.

Примечания

1.

Эпиграф взят из «подготовительного» отрывка к повести А. С. Пушкина «Египетские ночи» («Русский архив», 1882, № 1), в котором слово «торг» было заменено Лесковым на «случай».

[^^^]

2.

...при римском господстве... — Римляне господствовали в Египте в I — IV вв. н. э.

[^^^]

3.

Палестра (древнегреч.) — в древних Афинах школа физического воспитания мальчиков 13 — 14 лет.

[^^^]

4.

Митра — согласно ведийской (древнеиндийской) мифологии — миролюбивый и милосердный к людям бог, удерживающий небо и землю, управляющий восхождением Солнца.

[^^^]

5.

Дафна (древнегреч. «лавр») — в греческой мифологии — нимфа, дочь земли Геи и бога рек Пенея, отвергшая любовные притязания Аполлона; в поисках спасения, по согласию с богами, была превращена в лавр, ставший священным растением.

[^^^]

6.

Удолья — долины.

[^^^]

7.

Диарит (диорит) — камень вулканического происхождения, серого цвета, переходящего в зеленый.

[^^^]

8.

Амазис — египетский фараон Амазис (Яхмос II), правивший в 569 — 525 гг. до н. э., покровительствовал подвластному ему греческому населению.

[^^^]

9.

Феодор — греческий художник, скульптор, архитектор (VI в. до н. э.).

[^^^]

10.

Кефье — шёлковый головной платок.

[^^^]

11.

...изображение сладострастной богини Ма...
— Египетская богиня истины и порядка Ма (Маат), супруга бога мудрости Тота, изображалась сидящей на земле с прижатыми к туловищу коленями.

[^^^]

12.

Рясны (древнерусск.) — ожерелья, подвески (поднизи).

[^^^]

13.

...на палестре... — здесь: во время публичного состязания между учениками из разных палестр (см. прим. к стр. 4).

[^^^]

14.

Мицраим (древнееврейск.) — Египет.

[^^^]

15.

Строфокамил (древнегреч.) — страус.

[^^^]

16.

Гизех (Гизэ) — селение на левобережье Нила, против Каира, прославленное известнейшими пирамидами.

[^^^]

17.

Саис — город в Нижнем Египте.

[^^^]

18.

Квитовое яблоко — плод айвы, символизовавший в древнеегипетской культуре любовь.

[^^^]

19.

Мемфит — житель Мемфиса, столицы древнего Египта.

[^^^]

20.

Понтифы (понтифики) — (лат. pontifex) — здесь: верховные жрецы в Древнем Риме, коллегия которых (от 4 до 15 человек) ведала всеми делами культа.

[^^^]

21.

...какого-то распятого Назарянина... — то есть Иисуса Христа, мать которого Мария и её названный супруг Иосиф жили в Назарете.

[^^^]

23.

Ормузд и Ариман фарсийские... — согласно древнеиранской религии (маздаизм) — предводитель духов света, добра Ормузд (греческая версия имени Амурамазда) и духов тьмы, зла, смерти Ариман (греческая версия имени Ангро-Майнью).

[^^^]

24.

Егова (Яхве) — иудейский бог, согласно представлениям верующих содействующий борьбе евреев против их врагов.

[^^^]

25.

...бывших рабов наших — евреев... — Евреи были рабами египтян с ок. 1700/1650 гг. до ок. 1250 гг. до н. э.

[^^^]

26.

...долетели до ушей вещей статуи Мемнона, и Амгиготеп заговорил на рассвете. — С именем Мемнона, считавшегося вначале царем Эфиопии, а позднее Верхнего Египта, связывались две статуи египетского фараона Аменхотепа близ Фив, одна из которых от нагрева и остывания песков издавала на заре непонятные звуки. Египтяне полагали, что в эти моменты душа усопшего фараона беседует со своей матерью Зарей.

[^^^]

27.

Феокрит — древнегреческий поэт (конец IV — первая половина III в. до н. э.). Лесков вольно пересказывает русский перевод его идиллии «Сиракузянки, или Праздник Адониса».

[^^^]

28.

Аколуфы (древнегреч.) — церковнослужители, прислуживавшие епископам во время богослужения.

[^^^]

29.

Отроки (древнерусск.) — слуги, работники.

[^^^]

30.

Нард — здесь: благовонный сок из корневища и цветков пахучего растения нарда.

[^^^]

31.

Куш (египетск.) — Эфиопия.

[^^^]

Ариман — см. прим. к стр. 30.

[^^^]

...Кунакай, путь десяти тысяч греков... Кунакай (Кунакс) — селение севернее Вавилона, около которого в 401 г. н. э. произошла битва армий двух братьев-наследников персидского трона — Артаксеркса II и Кира Младшего. Десять (а точнее — тринадцать) тысяч служивших Киру наемников-греков, после смерти вождя и потери вероломно перебитых Артаксерксом военачальников, мужественно проложили путь по вражеской стране и вернулись на родину.

[^^^]

34.

Гедеон оставил всех пивших пригоршнями... — библейский эпизод (Книга Судей Израилевых, VII. 5 — 8), в котором повествуется о том, как Бог приказал Гедеону отобрать для битвы с мадианитянами лишь «лакавших ртом» воду.

[^^^]

35.

Гаторовы головы — изображения головы Гатор (Хатор) — солнцееокой богини, дочери верховного бога Ра в древнеегипетской мифологии.

[^^^]

36.

Страбон — греческий историк (64/63 г. до н. э. — 23/24 г. н. э.), автор знаменитой «Географии» в 17 книгах, откуда Лесков почерпнул описание ливней на Ниле.

[^^^]

37.

Катехизаторы — наставники в вере.

[^^^]

«Водная ночь» 27 июня. (Прим. автора.)

[^^^]

Христиан ко лъвам! (лат.)

[^^^]

Зенон рассказывает историю Иосифа и жены Понтифара так, как она передается в египетских преданиях и в «Коране» Магомета (Коран, гл. XII, стр. 21 — 111). (Прим. автора.)

[^^^]

Кеми — древнее название Египта. *Рем-ен-Кеми* — человек из Египта. (Прим. автора.)

[^^^]

Яро — Нил. (Прим. автора.)

[^^^]